

ЗОЛОТОЕ ПЕРО 2009

VI Московский международный конкурс поэзии

Москва, 2009

Правительство Москвы
Департамент культуры города Москвы
Московский институт социально-культурных программ

Дням славянской письменности

и культуры посвящается

Организационный комитет

Председатель – первый заместитель руководителя
Департамента культуры города Москвы,
заслуженный работник культуры России
Александр Лазарев

Заместитель
председателя – директор Московского института
социально-культурных программ,
заслуженный работник культуры России
Владимир Сергеев

Члены комитета: **Галина Гудкова**
Геннадий Иванов
Владимир Сергеев (мл.)
Лариса Уतिकеева, заслуженный работник
культуры России
Фёдор Черепанов

Жюри

Председатель – **Геннадий Иванов**
Сопредседатель – **Владимир Сергеев**
Члены жюри: **Александр Бобров**
Вадим Дементьев
Александр Фомин
Фёдор Черепанов
Евгений Юшин

Сегодня пушкам нашего корабля, а помнится, у символических стапелей желали мы поэтическому конкурсу «Золотое перо» океанской походки, положено салютовать шестикратным залпом. Сегодня в шестой раз обогнули мы планету в поисках живого поэтического слова и добрых человеческих встреч. Свидетельство наших открытий – этот вот «бортовой журнал», каталог-антология, готовый поведать вдумчивому читателю многое и многое. Над его страницами поневоле начинает вериться, что есть у наших странствий и ещё одна, ещё не осознанная, но, быть может, самая главная цель... Будем же внимательными читателями. Вглядимся с надеждой в каждый образ – на нашем корабле нет случайных попутчиков. Порадуемся – как много среди нас совестливых тружеников, хранителей народной памяти, певцов человеческой судьбы и красоты Божьего творения. Да! добрую команду собрали мы для нашего похода, доброе товарищество – скажем мы в год гоголевского юбилея, – с таким народом только открывать новые земли! Умолкают – почти не слышно их на палубе – песни о невозвратном прошлом, уступают место думам о новой, неведомой стране, ради которой и вышли мы в долгое, долгое странствие. Верится, верится, что за вдохновенной поэтической строкой, не этого, так следующего стихотворения вдруг откроются нам такие знакомые и такие новые черты грядущей России! И это будет страна не торгашей, а творцов! Это будет страна любви, держава, в которой отражается вечность.

Владимир Сергеев,
*руководитель проекта,
директор Московского института
социально-культурных программ,
заслуженный работник культуры России*

Сергей Агальцов

Москва

* * *

Одиноко ль брожу по округе,
Вспоминаю ль ушедших друзей
Или вновь от неверной подруги
Ожидаю приветных вестей –

Лишь одно мне становится ясно
Среди отчих берёз и полей:
Сколько лет я растратил напрасно,
Но души не растратил своей!

Ах, за что мне такая удача –
Свою бедную душу сберечь!
Если выйти могло всё иначе
Средь опасных случайностей, встреч.

Кем дарована милость мне эта?
Кем ниспослана мне благодать –
Чтоб душа не утратила света,
Чтоб могла ликовать и страдать?!

* * *

Как тяжёлая дума,
В небе туча плыла.
И была так угрюма,
Так зловеща была.

Гром таила во чреве,
Пламя молний несла.
И обрушила в гневе
Дождь на кровли села.

И дождём избраздила
Гладь на тихих прудах.
Всё кругом возмутила,
Сея ужас и страх.

Пыль всклубила у моста
И столбом подняла...
Над покоем погоста
Туча тяжко плыла.

Но под пламенем молний
И под громом бежал
Отрок, радости полный,
И навеки запомнил:
Миг, сначала безмолвный,
Гром и молнии жар.

* * *

Я горько плакал. Сон мне снился –
На грустной родине моей
Родимый домик покосился,
Стал и угрюмей и темней.

А мой любимый чистый садик –
Не в силах был сдержать я слёз! –
Не в майском ликовал наряде –
Чертополохом весь зарос.

Во сне я плакал, словно дети.
Ах, как мне горьких слёз не лить!
Не мог никто на белом свете
Печаль со мною разделить.

Когда же я проснулся в страхе,
Прибрёл на родину мою, –
Никто меня в родном краю
Не узнавал. В вечернем мраке
Лишь громко лаяли собаки.

А мой родимый тихий дом
Сквозил и дверью, и окном.
За ним темнел заложший сад...
Зачем вернулся я назад?

* * *

Я ночные люблю переулки.
Я брожу в них, кривых и глухих.
Спит округа. Шаги мои гулки.
В небе месяц и ясен и тих.

Переулками узкими выйду
Из пустынного я городка.
И откроются светлые виды:
Поле, речка, гряда сосняка.

Ветхий мост почернел, покривился
И скрипит и дрожит подо мной.
Ах, какой мне покой здесь явился! –
Небывалый полночный покой.

И хоть близко декабрьская стужа,
Отчего-то тепло на душе,
И зимы наступающий ужас
Не пугает нисколько уже.

Владимир Архипов

Краснодар

Моё рождение

Я родился, как ёжик, под ёлкой –
На иголках, на хвойных иголках.

Стало дерево исполином,
Где зарыта моя пуповина.

Если слышу я: «родина», «мама» –
Вижу купол зелёного храма.

Не страшны мне житейские волки –
Я с улыбкой иду. Но в иголках.

В небе сокол высоко-высоко.
Мои корни глубоко-глубоко...

Эта девочка с первой парты

А до школы шагать мне – четыре версты.
А следы-то волков под берёзой...
Как зайчишки, дрожат от мороза кусты,
Да и сам я дрожу от мороза.

А над полем рассвет обжигает, как лёд,
Растекаясь по санному следу.
Где-то девочка тоже по стуже идёт –
Отогреемся в школе к обеду.

Я увижу её перед первым звонком.
Улыбнусь и кивну по привычке.
Я прошёл бы ещё вёрст десяток пешком,
Чтобы дёрнуть её за косички.

Россия, Пушкин и Любовь!

Трепал мороз в лесном селенье,
Над школой – зарево снегов.
А мы писали сочиненье:
Россия, Пушкин и Любовь!

С послевоенною державой
Я рос и грелся от стихов.
На кончике пера дрожало:
Россия, Пушкин и Любовь!

Я жизнь люблю! Иду с надеждой!
Я за Отчизну встать готов!
Я повторяю, как и прежде:
Россия, Пушкин и Любовь!

Живи, родник!

К воде хрустальной я приник,
Я пью, чтобы набраться силы.
Зарос покос. Но жив родник,
Который мать с отцом любили.

Вода родная – благодать!
Живи, родник! – в душе молю я.
Как будто я отца и мать
Сегодня, как живых, целую.

По тонкому льду

Хрупок мой сон – как ледок на реке.
Горькие мысли – слезой в кулаке.

Люди душою скудеют, мельчают,
Словно сады без ухода дичают.

Рвётся, как нить, сострадание к близким –
Тоньше оно комариного писка.

Помню, как мама в военные годы
Нищим картошку несла с огорода.

Сами питались крапивою приторной –
Трое своих да и дети из Питера.

Грелись гурьбою под тёплой овчиной.
Печка топилась, светила лучина.

Нынче на улицах морюшко света.
Люди в роскошные шубы одеты.

Нет, не от стужи мне муторно, зябко.
Тут не помогут ни печка, ни шапка.

Как мне любилося легко и писалось!
Что же осталось? Ледок да усталость...

Ветер колышет рассветные ивы.
Господи, дай мне отваги и силы!

Утро не скрасит житейскую драму.
В комнате пол – как оконная рама.

Ломтики солнца, упавшие с неба,
Можно потрогать, как ломтики хлеба...

Почему не зябнет зяблик*(Колыбельная внучке Вареньке)*

Под окошком –

скрип да скрип –

Ходит дедушка Архип.

Ночью дедушка не спит,

Он избушку сторожит.

Чтобы в ельник серый волк

Никого не уволок.

Дедушка и бабушка

Любят внучку Варюшку.

Греются для Варюшки

Валенки и варежки.

Баю-баю-баюшки,

Спи, малышка Варюшка!

В тёплой норке спят лисята.

В речке дремлет сом усатый.

Спят в снегу, как мячики,

Рябчики и зайчики.

А в саду, как яблоки,

Снегири и зяблики.

В конуре от стужи Тобик

Закрывает лапой лобик.

А в хлеву коровушка

Ждёт восхода солнышка.

А под снегом зёрнышко

Тоже просит солнышка.

Баю-баю-баюшки,

Спи, малышка Варюшка!

Спи, малышка Варюшка,

Тёплая, как варежка...

Лесная сказка

Тропиночкой узкой,

зелёной долиной

Мы с Варенькой-внучкой

идём за малиной.

Поскольку малышке

пешочком несладко –

На дедушке едет,

как на лошадке.

А вот и лесочек

прохладой встречает.

Алеют, как пики,

цветы иван-чая.

Бесстрашно малышка

раздвинула пики –

И брызнули блики

лесной земляники.

Но вздрогнула Варенька:

рядом, как веник,

Как Мишка Топтыгин,

торчал муравейник.

Порханьем, жужжаньем

и воздухом пряным

Ласкает и манит

цветная поляна.

И пчёлы снуют.

И стрекозы проснулись.

Поляна гудит

растревоженным ульем!

Танцует комар

на зелёном листочке,

А под листочком –

гнездо с лапоточек.

А там крохотульки –

бескрылые птички.

От счастья у внучки

взлетели реснички.

Малышка Варвара –

дитё городское.

Повидела много.

Но чтобы такое!..

Пленила, как сказка,

природа живая.

Я с внучкою заново

мир открываю.

Здесь мудрая сказка

становится былью.

Я слышу –

у нас расправляются крылья!

Расти, человечек –

душа золотая!

Мы, внучка, с тобою

ещё летаем!

В кустах отдыхает

для ягод корзина.

Забыта корзина...

Забыта малина...

Словно спящая царевна...

Вся земля в цвету весеннем.

Птица свить гнездо спешит.

А деревня, как царевна,

На холме высоком спит.

Спит красавица, тоскуя

С тихой песенкой скворца,

Ждёт, как в сказке, поцелуя

Удалого молодца.

Юрий Асмолов

Курск

В Черницыно

Пред светлым праздником – Пасхой,
Под аллилуйю скворца
Я крашу небесной краской
Простую оградку отца.

Был он угодным Богу,
Был несусветный добряк.
Въелась зараза в ногу –
Сгрыз его заживо рак...

Однажды, чтоб взять рубаху,
Забыв, что ноги уж нет,
Он встал
И – со всего маху –
Ударился о табурет.

Мы вместе плакали горько...
Теперь, через уйму дней,
Над самым родимым взгорком
Подумалось мне про детей:

Не заблукатили б в эти
Богом забытые дни,
Помнили б, что на свете
Ближе нету родни.

И перед светлою Пасхой
В этом земном раю
Небесной пусть выкрасят краской
Простую оградку мою.

* * *

Ах, где же ты взяла, весна,
Такие краски:
Не отличаю ночь от сна,
А день – от сказки.

Пой, соловей! Звени, родной!
Ещё коленце!
Как бьётся, рвётся из грудной –
Из клетки сердце!

Я опьянел, но пью и пью
Пьянящий воздух –
И вновь, как в юности, пою
О небе в звёздах.

Давно не виделись мы с ним:
Когда за тридцать,
Мы чаще под ноги глядим,
Чтоб не убиться.

О, этот май! Он, как Господь,
Глаза открыл мне,
В дорогу дал луны ломоть
И жажду крыльев.

И пусть пытаются в дугу
Согнуть напасти,
Но всё равно я не могу
Не верить в счастье.

Мне песню хочется сложить,
Чтоб песня пелась
И чтоб хотелось людям жить,
Любить хотелось.

* * *

Родился я в России – в Черноземье.
Тут и живу – под крылышком зари.
Нет, зря меня бранят за одноклассника:
Ведь Родина одна – не две, не три.

О, край полей! Мне петь о нём до гроба!
Хотя – с весны до самых холодов –
Теперь и школярам, и хлеборобам
Не до поэтов и не до стихов.

Теперь у нас, как и во всей Отчизне,
Поют поэтам новые верхи:
Идите, мол, чтоб как-то выжить, в бизнес,
Мол, спроса нет сегодня на стихи...

Я зарекался с нашей властью спорить,
Но я зарок с себя снимаю свой:
Мир невозможно без стихов построить:
Без них всё это – гиблый долгострой.

Ах, земляки, мы все – слепцы и дети:
Нас ловко вокруг пальца обвели.
Но всё равно – на всём на белом свете –
Роднее и любимей нет земли.

И пусть поют: мол, времена другие
И что стихи сегодня – как латынь,
Но их диктуют судьбы грозные,
Их шепчут нам и звёзды, и польнь.

Поэзия! Она почти как Вера!
Что крепче? Что воздушнее стихов?
Вот вечное творение Гомера!
Где вечное творение дельцов?..

Мир! Мир моей России синеокой!
Но лишь тогда мир будет нерушим,
Когда язык поэзии высокой
На белом свете станет всем родным.

Магомед Ахмедов

Махачкала

Голос песни

Голос песни в сердце я услышал
На свою удачу и беду.
И на голос этой песни вышел.
И за песней до сих пор иду.

Надо мною солнечные бури
Пролетают в космосе, звеня.
На старинном песенном пандуре
Кто играет в сердце у меня?

Кто к моей душе во мгле взывает,
Грусть свою на сердце затая?
Кто мне эти песни напевает? –
Это плачет Родина моя.

Привет друга

За пеленой космических туманов
Живёт один известный мне поэт,
Мой друг и брат по песням Шахтаманов
И мне передаёт большой привет.

Он обо мне и там не забывает.
Напоминает о себе всегда.
Когда лицо он в небе умывает,
За шиворот мне падает вода.

Вчера в окошко постучала птица,
От друга мне передала привет.
И, вздрогнув всеми строчками, страница
Стихом передала ему ответ.

Серебро

Серебряные горные вершины.
Серебряные лезвия клинков.
Серебряные звонкие кувшины
Моих чистейших горных родников.

Серебряное небо в ясных звёздах.
Серебряные звёзды в вышине.
Серебряный морозный горный воздух.
Серебряные ночи при луне.

Тропинки как серебряные свитки...
И это всё – моей души добро.
Ни на какие золотые слитки
Не променяю это серебро.

Журавли

В мире, переполненном печалью,
Слишком мало места для любви.
Неужели Бог наш изначально
Мир задумал строить на крови?

Грохот несмолкаемых орудий.
Эхо нескончаемых атак.
Или вы умом рехнулись, люди,
Или Бога поняли не так.

На закатном небе птичья стая
Голосит в заоблачной дали.
Это, над землёю пролетая,
О любви рыдают журавли.

* * *

Последний пароход во мглу уходит,
Остановилось время на бегу.
Любовь плывёт на белом пароходе,
А женщина поёт на берегу.

Последний пароход плывёт печально
На всех парах и не сбавляет ход.
А песня обнимает, словно чайка,
И море, и любовь, и пароход.

Последний пароход – венец разлуки –
Сквозь мглу по морю синему плывёт.
И женщина кладёт на сердце руки,
Как будто морю сердце отдаёт.

Любовь Берзина

Москва

Памятник Гоголю

Сойду на узкую дорогу,
Где среди листьев и травы
Задумался писатель Гоголь
В старинном дворике Москвы.

Не зря задвинут он подальше –
Спина согбенна и крива,
Его суровый взгляд без фальши
Не вынесла без слёз Москва.

И около своей квартиры,
Среди домов дебелих тел,
От слёз, не различимых миром,
Он сгорбился и почернел.

Случайный в дворике прохожий
К нему не ходит на поклон
И ясных глаз поднять не может
На Гоголя, так страшен он.

Свой длинный нос писатель свесил,
Но боль внутри него жива.
Уходят тихо в поднебесье
Молитвы страстные слова.

И могут слышать, чуть живые,
Все те, кто чуток и не глуп,
Как молит Гоголь о России,
Не разжимая тонких губ.

То плачет Гоголь, то смеётся,
Не видит он из-за домов –
Русь-тройка за углом несётся –
В ней Чичиков и Хлестаков.

* * *

Я слышу колокольный звон
Над полусонною Москвой,
Над крышами больших домов,
Заваленных холодным снегом.

И звук летит со всех сторон,
Волной смыкаясь надо мной,
И как спасительный покров
Меня соединяет с небом.

Трезвон колоколов как сеть,
На башни стройные Кремля,
Дома, прохожих, тротуар
Накинута ненароком.

И можно даже не глядеть,
Ведь звуком полнится земля,
Он словно дар – удар, удар! –
Меня соединяет с Богом.

* * *

Вдоль дороги, вдоль дороги
Окна словно образа.
Так на нас глядят, убогих,
Изб прекрасные глаза.

И пока мы по деревне
Словно на пожар, летим,
Вслед нам избы, как царевны,
Блещут взором огневым.

Помнят сосны вековые
Свист татаровой стрелы,
И наличники резные,
Словно кружево, белы.

Топором мой предок давний
Делал дивную резьбу,
Чтоб наличники и ставни
Утешали голытьбу.

Чтоб на них цветы и птицы –
На восток и на закат –
И нигде не повторится
Тот узорчатый оклад.

И хозяйка в скромном платье
Вслед нам смотрит из окна
Тихо, словно Богоматерь,
Всепрощения полна.

У станции метро «Измайловская»

На Измайловской станции пел соловей,
Прямо возле железных путей.
Как воздушный взлетала мелодия змей
И цеплялась за души людей.

Пассажиrow безмолвно стояла толпа,
Поезд к станции не приходил,
И звучала мелодия, словно судьба,
Проникая до внутренних жил.

Было птахи не видно в теснине ветвей,
Только голос под небо взлетал,
И перрон вместе с кучками сонных людей
Был, как лодка, пред вечностью мал.

Но вдали нарастающий грохот колёс
Соловья принудил замолчать.
Подъезжающий поезд, как чудище, рос,
Чтоб с собой пассажиров забрать.

И поедут они в темноте, под землёй,
Слушать грохот колёсный и стук.
Но сквозь всё пробивается жаркой волной
Невесомый божественный звук.

* * *

Меня сожрали коридоры,
Как паутина, оплели.
Они ползут в поля и горы
Вдоль всей земли, вдоль всей земли.

О мир без света и растений
И без погодных перемен,
Где только тени, только тени,
Шатаясь, бродят возле стен.

Где лица холодны и немые,
Но каждый укусить готов.
О коридорные системы
Больших и малых городов,

Как пылесос, с напором грубым
Меня в себя всосали вы,
Но ваши каменные трубы
Не знают листьев и травы.

И, растекаясь утром вешним
По вашим внутренностям, я
Люблю всего сильнее бреши
В деревья, небо и поля.

Как узнику – отрадой зренья,
Иконою – квадрат окна,
Я вся дрожу от нетерпенья,
Когда мне улица видна.

Там сквозь асфальт и стен машины
В короне птичьих голосов
Растут берёзы и осины
Лазутчиками из лесов.

Когда ж меня, домов изгоя,
Меня, рабыню колеса,
Снесёт асфальтовой волною
И бросит в ближние леса?

* * *

Холодная Москва,
Морозная Москва,
Меня из каменных объятий выпускаешь,
Как чётки, ты своих детей перебираешь,
Едва их не сломав, не задушив едва.

От скольких русских слов,
От скольких русских лиц
Меня оторвало, и сердце скачет, ноя:
Сквозь мёд родных пространств,
Сквозь обручи границ
Проходит поезд мой железною иглою.

Где вы, поля, леса,
Чьих черт не разберёшь,
Вповалку, вперемеж раскиданы,
Без плана?
Любой изгиб пути дарил, чего не ждёшь:
То взгорок, то овраг, то камень, то поляну.

А тут, в чужой стране,
Летят навстречу мне
Макетные дома, линованные пашни,
И неба синий плат
Проколот и распят
Штырями их церквей – угластых, тёмных, страшных.

О, задуши, Москва,
И будешь ты права,
Когда вернусь к тебе
От княжеств иностранных.
Калека и вдова,
Ты всё ещё жива,
Ты всё ещё полна округлых лиц славянских.

Николай Беседин

Москва

* * *

Пижама, комнатные тапочки,
Экран с продвинутым лицом...
А я теперь приставлен к ласточкам,
Что поселились над крыльцом.
Я вдоль Угры хожу по берегу,
Бобрам причастный и плотве.
И только глубь небес по пеленгу
И покрик чаек в синеве.
А подо мной в песке, спрессованном
Веками, вихрями времён,
Застывший след подковы кованой
И кровь отеческих знамён.
А подо мной глубин молчание,
Где нет начала и конца.
И только тёплое дыхание
Непостижимого Творца.

* * *

За окном кричат вороны,
Грустью сердце надрывая.
На стене висят иконы –
Светлых душ мольба живая.
Эти крики, эти крики
Что-нибудь, наверно, значат.
Эти лики, эти лики
На меня глядят и плачут.

Деревенский этюд

Ну что ж, на то и лето,
Чтоб зиму забывать.
Устами дня воспета
Земная благодать.
Усталое приволье,
Смиренная река...
Ржаная правда поля
Не вызрела пока.
Мы все отсюда родом –
Из простоты святой.
Ох, трудно быть народом!
И так легко – толпой.
Забыть страду, и войны
И звёзды, и кресты.
Ох, трудно быть достойным
Державной высоты.
...Корова-сиротина
Мычит тоскливо вслед,
На что уже скотина,
А счастья в жвачке нет.

Прокуратор

День удался на славу,
когда б не протесты
Этой дикой толпы
полудикой страны.
Прокуратор любил милосердные жесты
И сказал судиям:
– Я не вижу вины.
Световая мозаика позднего утра
Расплескалась на старых
ступенях дворца.
Он смотрел на лицо
словно из перламутра,
Обрамлённое кровью
от терний венца.
Так привычно медлительно
мысли стекали
В пустоту, не поняв
тайны судного дня.
...Кто он? Новый мессия? Разбойник?
Едва ли.
Что он Риму?
Что ждёт этот сброд от меня?
Череп фарисеев вспотели в экстазе:
– Он опасней Вараввы!
Распни же! Распни!
Иудей с искажённым лицом от проказы
Тянет руки к Христу,
и трясутся они.
– Не осудишь на крест –
ты не друг, значит, Риму!
Что подумает Цезарь?
Что скажет Сенат?
Да свершится возмездье руками твоими!
И да будет лжецарь
иудейский распят!
Неподвижно, спокойно лицо Иисуса.
Кто он, верящий в силу
добра и любви?
Нет в душе человеческой
бессмысленней груза,
И ничто не взойдёт на невинной крови.
Но казнить назорея
по лживым наветам
Этих алчных, чужим присягнувших богам...
– Одного я помилую.
Кто будет это?
– Дай Варавву!
Разбойник понятнее нам.
Что ж, пускай осуждают безвинных на муки,
Тем прочней будет Рима
властительный трон.
Он в серебряной чаше умыл свои руки
И ушёл во дворец,
завернувшись в хитон.
Он представил на миг
крест, и лобное место,
И распятое тело, и тех, кто судил...
Прокуратор любил милосердные жесты.
Милосердья к безвинной душе не любил.

Николай Васильев

Мурманск

* * *

Накроет снегом лиственный ковёр.
Остудит ветром Колу и Тулому.
На поседевший ветреный простор
Падёт мороз, природою влекомый.

Притихнет лес, но стонущих берёз
Раздастся вдруг глухое причитанье,
И на ветвях комочки белых слёз
Застынут, и услышим завыванье
Ветров, как будто вой волков –
Из дальних необжитых уголков
полярной тундры...

* * *

Очнулся первый летний гром.
Внезапно покотившись с тучи,
Он обрастал, как снежный ком,
Хлопками выстрелов гремучих.

Пред ним опешила земля,
Тревожно птицы затаились.
Стрелой падучего огня
В ночи деревья осветились.

Прошёлся ветер средь вершин,
Небесному подобен плугу.
И словно глиняный кувшин,
Разбившись, оросил округу.

Утро в Мурманске

Туман прилип седыми клочьями
К стальной чернеющей трубе,
И ветер ариями волчьими
Напоминает о себе.

Погнал он в улицы пустынные
Листву от мрачных гаражей.
Прильнули здания старинные
К домам в двенадцать этажей.

А окна сонно-равнодушные
Ждут первых отблесков зари,
И, летом никому не нужные,
Стоят печально фонари.

* * *

Я видел, как падали слёзы
С листочков дрожащей осины.
Я видел, как плачут берёзы
В дни стылой осенней кручины.

Им холодно, больно и страшно
Стоять на ветру у дороги.
Но было проходим неважно,
Что в парке деревья продрогли...

Как грустно, что не замечаем,
Гоняясь за призрачным счастьем,
Что парк молчалив и печален
Стоит в эту пору ненастья.

Владимир Волковец

Ханты-Мансийский
автономный округ

* * *

На отмели малька
Дочь зачерпнула кружкой.
Ещё одна река
Становится речушкой.

За пнями не слышна
Былая сила леса.
Ещё одна вина
На совести прогресса.

Вросла в траву изба,
И вывихнуты рамы.
Ещё одна судьба
С отсохшими корнями.

Вопросы малыша –
Ответы непростые.
Ещё одна душа
Заплачет о России.

Посёлок

То ли строили так,
То ли почва такая –
Избы вперекосяк,
Вперевалку сарай.

Прямо даже столбы
Не стоят без подпорок.
От какой же гульбы
Расшатался посёлок?

Я ни с кем не знаком,
Никому неизвестен,
Я вошёл в него трезвым,
Выхожу –
под хмельком.

* * *

Зелёные вышлески листьев.
Сырая весенняя сонь.
Попробуй, худое замыслив,
Незрелое деревце тронь.
Потом, если всё-таки честно
Слагаешь простые слова,
Ты не досчитаешься песни
Синицы, дрозда, соловья...

* * *

В зелёной
Картофельной грядке,
Где куры изрыли межу,
Виновный
В мальчишеской драке,
От мамы скрываясь, лежу.
Лежу и на оклики мамы
Молчу.
К чернозёму щека.
А клубни толкают в бока
Сердитыми кулаками.

* * *

Пахнет сеном сырым и дорогами.
И подлески на склонах бугра
Перекидываются сороками,
Как снежками зимой детвора.

Ольга Доренская

Лиепая, Латвия

Корни

Русский бревенчатый северный дом,
Нерусский акцент любимого деда.
На мезонине с разбитым стеклом
Смуглая внучка читает с рассвета
До «послеобеда»
Рай, золотящийся в корешках
Энциклопедии братьев гранат.

В окне – аромат проливного дождя
С огромного русского неба.
В заброшенном парке немецком –
Липы и тополя,
Чума маргариток,
Гармошка – про удаль и небыль...

Где-то в зигзаге истории,
В спицах её колеса,
Где цветёт, сумасшедше дурманя, лупинус,
Девочка,
Четырёхкровный мутант
С удивлённым лицом
И в грязи от просёлочной глины.

* * *

О бездна музыки!
Священный русский стих!
Тысячегласье златоустейшего хора!
Ты – как бессмертной вещей птицы лик.
Тебя я пью, как огненное море.

В твоей волшбе себя до смерти утопив,
лежу на берегу, как пьяный папуас,
который только-только принял христианство,
который ползает в грязи в торжественном убранстве,
моля у Бога хоть за смертный час –
ТУ ИСКРУ!

Куда ж нам теперь на Русь!

Коль вышли мы все из «немецтины»,
Коль сосен осенний стон
Нам слаще звона берёзова.
Волга мне только песнь,
Что плакала в снах моей матери.
Моря не выпью,
Как ты, пригублю лишь молитвенно.
Куда ж мне на Русь, сосед
Голубиноокий...

* * *

Да, скифы мы! Да азиаты мы...
Да! Из сарматских степей
Я вышла на берег чухонский.
И вовсе вам знать не дано,
Какое там было солнце.

Мне не стыдно своих корней,
Змеиной мудрости россыпей.
Огня московитских речей
И крика холщёвых полотниц.
С немеркнувших вечных берёст
Поэзии волхвования.
Актёрского жеста боль
И рахманинского рыдания.

Стен всех российских кремлей –
Мне не стыдно!
Мне не стыдно такой азиатчины!

Сижу здесь, как гость смиренный,
И слушаю ваши песни.

* * *

У меня под плащом
Багряная Богоматерь.
Несу под дождём
В золотом окладе.
Вот и всё, что есть
От славянства.
Ещё русская речь
Да души окаянство.

А дождь такой родной...
Мечтательный,
Грустный
И длинный.

Рыбацкие песни петть
И нерусские былины.

Галина Дубинина

г. Шексна, Вологодская область

* * *

Вы видели глаза своих детей?
Голодные глаза под мирным русским небом
И ковылём заросшие поля, свободные от совести и хлеба,
Когда, сгущая марево теней, на Родину явившееся лихо
В заложники вело учителей, врачей безденежьем давя их тихо, тихо...

Вы ощущали на своих руках ребёнка невесомость и бесплотность,
Как однозначность смерти естества и жизненную нашу безысходность?
Когда лишь только силою Любви, немостию силой напряженья
И всем святым отчаяньем души мы их спасали от уничтоженья.

Когда мы вновь учили их ходить, не падая на слабые колени,
И не бояться темноты окна, пустого холодильника гуденья.
И забывать, что нету молока и хлеба нет... Так выживают люди.
И понимать – вот мамина рука, а папиной совсем уже не будет.

Вы слышали их главные слова?
Где рядом с Мамой слово – любит, любит,
Связавшее основу бытия и предков дух, что рабство волей рубит.
Сынишка мой в три года это знал. И блин последний, в пол упавший мордой,
Он, как собака, с пола не поднял, сказав: «Я – Человек!» Звучало это гордо.

Владимир Жильцов

Нижний Новгород

* * *

Ты всё молчишь,
Молчишь, моя страна,
Ты издревле на слово неохоча,
Но без движенья не смолоть зерна,
И жернова приходится ворочать.
Но знаю, что промолвишь всё равно.
В тебе давно
Твоё созрело слово!
Ведь иногда бывает серебро
Молчания дорожке золотого.

* * *

Люблю эту тихую землю,
Но станет несказанно жаль,
Когда перелески задремлют,
Роняя златую печаль.

Заблудится ветер в лощинах,
Запрячется солнце в туман.
Я стану тужить беспричинно,
Что скоро наступит зима.

Я буду смотреть, удивляясь,
На неба кудельную вязь,
Почти наугад понимая
С бескрайностью тонкую связь.

И буду шагать осторожно,
Багряной разлукой звеня,
Надеясь светло и тревожно,
Что кто-то полюбит меня.

* * *

Мне почему-то нравятся дожди,
Мне почему-то нравятся пороши,
Мне нравится, когда зима пуржит
И распевает песни о хорошем.

Как будто целый мир укроет лжу
Взаправдашними белыми снегами,
Притихший, я по улице брожу,
Поскрипывая правдой под ногами.

И снова мне понравятся дожди,
И снова мне понравятся пороши,
И многое захочется простить
Под песню о печальном и хорошем.

* * *

Слава Богу!
Есть хлеб на столе...
Слава Богу!
Есть соль в солонице...
И покуда любовь на земле –
Ничего с ней вовек не случится.

Приезжали в Елатьму художники

Приезжали в Елатьму художники –
Молодые да безбородые,
Завернув в лопухи творожники,
Уходили писать природу.

И такие все были серьёзные,
Уважительные с пожилыми...
Было лето расцвечено грозами
И рассветами огневыми.

Мёдом пахла гречиха во поле,
Тучной силой хлеба лоснились.
И в баклушах, весной затопленных,
Караси обмирали в иле.

Всё исхожено первотропами,
Потому-то порой гадали:
«Да какую ж красу особую
Здесь художники отыскали?»

И однажды,
набравшись смелости,
На пароме, где кони да люди,
Задыхаясь от собственной дерзости,
Я открыл небольшой этюдник.

Ах, каким вдруг теплом повеяло!
Даже руки похолодели...
Меж кострами красного клевера
Травы плакали и звенели.

Онемел, духотой заворуженный
Луга яркого, оглушившего,
И глядел на волхвов-художников,
Из несказанной сказки явившихся...

Гулко лошади били копытами.
Перевозчик позванивал мытом.
Стало больно –
ну что же испытано?
Стало грустно –
а сколько прожито!

И, пронизанный далью мгlistой
Вечереющей, доброй шири,
Плакал я и легко и чисто,
Как никто ещё в этом мире.

Валерий Жукин

Шатура, Московская область

Высота

Мне командир, ткнув в карту, приказал
Взять высоту, во что бы то ни стало.
«А не возмёшь – отдам под трибунал Ё, –
Взглянув в мои глаза, сказал устало.

«Иль грудь в крестах, иль голова в кустах».
Не раз уже такое мне случалось.
Но в командирских слышалось устах:
«Ступай, сынок, немного нас осталось».

И мы пошли, открыто, в полный рост.
Захлёбывались наши глотки кровью.
На клочья рвался неба грязный холст,
Чтоб завернуть в тряпицу долю вдовью.

Мы, скрежеща зубами, шли вперёд.
За каждый метр земли мой взвод цеплялся.
И знаю я, что тот, конечно, врёт,
Кто говорит, что смерти не боялся.

Проклятую мы взяли высоту.
Быть по-другому не могло иначе.
Увидел я сквозь дыма черноту,
Как мой железный ротный тихо плачет.

Как над полем...

Ой, да как над полем, в голубой дали
Пролетели клином к югу журавли.
А солдат убитый в поле том лежит,
Мёртвыми глазами на небо глядит.

Что же ты, касатик, не довоевал,
Тонкою былинкой скошенной упал?
А в краю родимом, глазу не достать,
Молился о сыне на коленях мать.

Шепчется с невестой от него письмо.
Не успело горе к ней влететь в окно.
Пишет, что вернётся сокол на крыльцо,
Ей подарит к свадьбе медное кольцо.

«...Заведём детишек, чтобы как у всех.
Жить без ребятишек – это сущий грех!
Новую избёнку срубим у реки,
Только ты мне верность свято сбереги...»

Ой, да как над полем в голубой дали
Пролетели клином к югу журавли.
А солдат убитый в поле том лежит,
Мёртвыми глазами будто в Рай глядит.

Василий Забелло

Иркутск

Ботало

За полоскою раки
Чутко ботало гремит:
Бум-бом.

Конь пасётся у реки,
Щиплет сладкие цветки –
Бум-бом.

Переступит, шаг шагнёт,
Сразу ботало запоёт:
Бум-бом.

Вскинет голову –
Бум-бом,
Мошкара над ним столбом.

Обходи, медведь, кругом,
Слышишь, ботало –
Бум-бом.

Я давно ищу коня,
Кличет ботало меня:
Бум-бом.

Хангай

Как паруса, над спинами хребтов
Неслышно облака плывут и тают.
А что же там, за цепью облаков,
Какие духи тайно обитают?

Вот белоглавый движется старик
По тёмным чащам среди дня и ночи.
Спокоен и суров надменный лик,
И холодны всевидящие очи.

Еловый посох – духу верный друг.
И два орла над ним, бросая тени,
Уж сотни лет за кругом чертят круг,
А он бредёт, внушая поклоненье.

Грохочет водопадом его смех,
А если разразится ураганом,
То беспощадно покарает тех,
Кто встал на путь наживы и обмана.

Ему неведом никакой испуг.
Как дух пространства, он живёт и бродит,
Вот он выходит на альпийский луг,
Где грозно свадьбы звери хороводят.

Окидывает взглядом он стада,
Крутые склоны в зелени бадана.
Туманами ложится борода
На синие хребты Хамар-Дабана.

Его не видят никогда, нигде.
О нём поют ветра да шепчут кроны.
Но кто по тайгам хаживал, везде
Тот чтит его суровые законы.

На берегу

Не дождавшись босых атаманов,
Обомшел, завалился навес.
По-над стойбищем бродят туманы,
Распуская хвосты до небес.

Скрип уключин протяжный, далёкий...
И Байкал голубой-голубой.
«Уле-ле-ки, кле-оки, кле-оки», –
Плачет чайка над тихой губой.

Где-то здесь на бульгах белёсых
Разводили рыбачки костры.
Мы носили дрова им из леса,
Отбиваясь от злой мошкары.

А рассвет золотистой рябиной
Вдруг выстреливал из-за гольца...
Дорогой, бесконечно любимый,
Вспоминается образ отца.

Батя к берегу лодку причалит:
«Эй, сынок, становись, помогай!»
Как по гальке гальками брэнчали,
Только снасти таскать успевай.

На подхвате в рыбацкой артели –
То туда, то сюда – всё бегом –
Мы, мальчишки, в работе горели
И потели за общим столом.

Растворилось, как дым поднебесный,
Время резвой ребячьей поры.
Уж давно на бульгах белёсых
Не разводят рыбачки костры.

Только чайке неведомы сроки,
Как и прежде свершает полёт.
«Уле-ле-ки, кле-оки, кле-оки», –
Всё зовёт за собой, всё зовёт.

Наталья Иванова

Реутов, Московская область

15 декабря 2007 года. Дождь

Задекабрилась осень в этот год.
Асфальт умыт до блеска... Фонарями
Мерцают лужи... Тёплый дождь идёт
По городу, и, меряя шагами

Самой судьбой подаренные дни,
Он отмывает пыль иллюзий летних.
Иллюзии – что нынче мне они?
Развеет без остатка дождь последний,

Сумевший дотянуть до декабря
Хлопот напрасных шёлковые сети.
Год на исходе, и выходит, зря
Я думала, что жизнь ещё ответит

Улыбкой и подарит хоть на час
Мне ощущение призрачного счастья.
Небесной канцелярии приказ
Не выполнен. Хотя... нет-нет, отчасти

Всё получилось: прежний ход времён
Погодой неожиданной нарушен.
И зимний дождь (меня очистит он)
Добавит блеска ёлочным игрушкам.

Я сквозь ресницы в небо посмотрю,
Пусть снова нет ответов на вопросы,
Остановлюсь и поблагодарю
Судьбу, что подарила бабью осень...

Ночной трамвай

Ночь прячется в тупик трамвайной ветки.
Здесь – тишина... Лиловый ветер стих...
И лунный свет серебряной монеткой
Упал в ладони, притаившись в них...

Из темноты родится стук колёсный,
Ночной трамвай свою откроет дверь...
Войду в него – и все мои вопросы
Покажутся ненужными теперь.

В неспешном незатейливом движенье –
Ритмичное биенье кастаньет.
Простые звуки дарят отрешенье
От всех пустых бессмысленных сует.

А провода таинственные звёзды,
Искря, рассыплют в небе... И луна
В серебряный клубок сматывает вёрсты
Из Млечного Пути веретена...

И мысли, опускаясь на ресницы,
Осколком сна глаза туманят мне,
То ль чудится всё это, то ли снится,
То ль мнится в полуночной тишине...

И плачется о том, что так нескладно
И бестолково всё в моей судьбе...
...А рельсы, словно нити Ариадны,
Из тупика ведут трамвай к тебе...

Трамвай Желание

Заблудившись в изгибах труб,
Ветер гулкий внезапно стих...
Ты коснулся ладонью губ,
А губами – волос моих...

И рука, отыскав плечо,
Напряжением обожглась...
Что же мне пожелать ещё?..
Дождалась тебя! Дождалась...

И – от счастья – росинки слёз
Капнув, канули... в никуда...
А во взгляде твоём – вопрос.
И ответ, как дыханье: «Да...»

Я забыла на целый век
Об уюте надёжных плеч.
Дрожь – как будто босой – на снег...
Жар – как будто из снега – в печь...

Обнимай меня... обнимай...
Слышишь: что там за звук – в ночи?
То ли где-то прошёл трамвай...
То ли сердце моё стучит...

Ирина Каренина

Нижний Тагил

* * *

*Жизнь всегда есть кораблекрушение.
Х. Ортега-и-Гассет*

Я вброшена в печаль, как камень в реку,
Я в ней тону, я вброшена в весну,
В забвенье, в Лету... Знаешь: «Ехал грека...»,
Не знал он, что ладья пойдет ко дну.

Не ведал грека, что умрёт от рака,
Глушил портвагин, дрался, как плебей.
Из года в год круженье Зодиака
Его вело по жизни и судьбе.

Судьба скорлупкой грецкого ореха
Перевернулась, канула во мрак.
А мы – порой и скажем ради смеха:
Мол, ехал грека, видит – в реке рак.

* * *

Памяти Сергея Казнова

Прогусарили жизнь, просквозили,
За дешёвым и кислым вином
Прогудели – и всё, и отплыли
На кораблике на голубом,

На бумажном, тетрадном, ребячьем,
Что так нежно держали в руках...
Этой жизни нелепой, бродячей
Окончанье встречаем в слезах.

Этой жизни – истраченной всеу,
Даром розданной, пропитой вдрызг.
Ну, прощай, обнимаю, целую,
Закрываюсь рукою от брызг.

На Цитеру? – А хоть на Цитеру!
В океан, в небеса, в облака.
Что мы только ни брали на веру!..

– До свиданья, до встречи, пока.

* * *

Ругаться с бабками Лукерьями
И с дворничихой тетей Фро,
Рядиться к ночи в шляпу с перьями,
Чтоб выйти вынести ведро,

Идти задворками, помойками,
Смотреть на звёзды и грустить...
В домах скрипят дверьми и койками.
И мчат за водкой во всю прыть

Подростки, пацанва дворовая,
Шалавы самых юных лет.
Проходишь мимо ты, суровая,
Как будто их тут вовсе нет,

А после пальцами распухшими
Картошку чистишь, варишь суп
И наизусть читаешь Пушкина,
Почти не разжимая губ.

* * *

Перебитым горлом хрипи,
Раздавай, как монеты, дни.
Разжигая костры в степи,
Под попоною прикорни.
Солончак – по твоей душе,
Чёрный пёс пришёл – по твою.
Стой, как воины на меже,
Погибай в ледяном бою.

– Ангел белый, расправь крыла,
Осени меня и укрой,
Чтоб душа моя не могла
Обернуться сухой корой,
Чтобы мне не гореть в аду
За обиды мои до слёз
Да словесную ерунду,
По которой дышу всерьёз.

Ярослав Коваль

Москва

Калина

Весна была на редкость холодна.
 Плодами не порадовало лето.
 И лишь одна калина пышным цветом
 Цвела – из четырёх всего одна.

В шатре из лепестков нашли приют
 Букашки всех мастей, сороконожки...
 И все – от пчёл до самой мелкой мошки –
 В соседстве мирном уживались тут.

Сердитым басом оглашая дол,
 Спускался к ней с небес, как на подмости,
 Величественный, грубый и громоздкий
 Красавец шмель – Шаляпин среди пчёл.

Муравьи

А ты, малыш, мой труженик лесной!
 Мне ль не пропеть, всем махоньким в угоду,
 Тебе, как гимн, торжественную оду
 И, дом твой наблюдая под сосной
 И в близости опасной обнаружась,
 Не ощутить благоговейный ужас?..

Но пусть его обходит стороной
 Тот, кто однажды пренебрёг границей
 Дозволенного: он не зря боится!
 Попробуй тронь! Поднимутся стеной
 Одной объединённые идеей
 Солдат, рабочий, санитар, связной...

И нет ни святотатца, ни злодея
 Под этой коркой из сухой хвои:
 Все – рыжие. Железные. Свои!

К друзьям

Что смолкнул, веселия глас?

А.С. Пушкин

Гламурный шабаш не про нас, друзья!
 Из центра перебравшись на задворки,
 Дай, думаю, окликну вас с галёрки –
 Пожалуюсь вам, в чём печаль моя.

Темны метаморфозы бытия!
 И не всегда нас учит опыт горький.
 Однако что-то щёлкает в подкорке,
 Когда с небес срываюсь в штопор я:

Блюстители закона, власть, врачи
 Так обдерут – хоть караул кричи!
 (Есть шанс и вовсе живота лишиться.)

И я, чтоб страсть к полётам охладить,
 Стал домоседом и, умерив прыть,
 Держу себя в ежовых рукавицах.

Дмитрий Клёстов

Кемерово

* * *

Не ищу потаённого смысла
У житейской таёжной тропы.
Изогнулась ольха коромыслом
И вершиною – ниже травы.

Оробела в тишайшем поклоне –
За какую греховную спесь?
Оглашенная птица трезвонит –
Неужели печальная весть?

Прогоняю досужие мысли,
На судьбину роптать не резон.
Изогнула судьба коромыслом –
Миру Божьему вечный поклон.

* * *

Заклинаю, прошу, молю,
Жёлудь-семечко, дай росточек
В благодатном моём краю,
В хлопотливом краю рабочем.

Как я долго из глубины
Руд серебряных и свинцовых
Посох гнул к берегам Невы
И к фонтанам петродворцовым.

Из глухой голытьбы-нужды
Беспросветного горя-лиха
Забрести, как домой, в сады,
Затеряться в дубравах тихих.

Мой язык и коряв, и сух
От нахлынувших впечатлений:
В каждом дереве русский дух
И могучий российский гений.

Жёлудь-семечко, прорости,
В прародителе столько силы,
Да на сотках моих шести
Доброй памятью прорости
Града Питера и России.

* * *

В лубяной сторожке лесосклада
Я пригрел мальчонку-конокрада.

Будто с настоящим человеком,
С ним делился хлебом и ночлегом,

Мыслями о праведном, о скверне
В нашей позаброшенной деревне.

В голове его мозгов не густо.
Поводок ременный недоуздка

Теребил мальчишка, словно чётки,
Посылал меня к ядрёной тётке

И в каком-то старческом молчанье
Целый день валялся на топчане,

А когда смолкали перепёлки,
Оглашались топотом просёлки,

Гнал свои мальчишеские годы
К перекрёстку скорби и свободы.

* * *

Я топором взмахну и крякну.
(Мне дело это по зубам.)
И годовые кольца кряжу
Пересечёт глубокий шрам.

Крепись, увесистая чурка,
Несокрушимый делай вид.
Трещит игривая печурка,
И банька русская дымит.

Окно обильно запотело,
Вдыхаю и не надышусь.
Задорно крякая, по телу
Я свежим веником пройдуся.

До одури, молодецково
Я исхлещу все мощи всласть,
Водой холодной из ушата
Я обольюсь, перекрестясь.

И тело розово обмякнет,
Иду на воздух чуть дыша,
А стопку поднесут – и крякнет
Достоинно русская душа.

Орест Коцюба

Гамбург

Маме

Молись за меня!
 Молись за меня и думай обо мне.
 Думай обо мне с нежностью,
 и, клянусь тебе, Бог донесёт думу твою
 до меня –
 и душа моя очистится от скверны,
 и просветлеет чело моё.
 Молись за меня!
 Думай обо мне с нежностью, –
 не дай мне свалиться, отчаявшемуся,
 в бездну мира отчаявшегося.
 Молись за меня, и я верю:
 молитва твоя станет луковицей,
 которая удержит мир над бездной.

Картина

Я написал картину,
 где воздух пахнет
 слезами и страданием,
 смерть – коричневая,
 в блестящих сапогах
 и пахнет одеколоном,
 люди – с перекошенными телами и лицами,
 с пустыми глазницами,
 дома – без окон, без дверей,
 голод – жёлтый,
 а тоска – с рогами
 и скалящимися зубами.
 Надежда блаженствует в раю...
 Что мне с того,
 что скажут:
 она – не реалистическая,
 когда я такое видел в жизни.

* * *

Из-за этих женщин
 нет покоя в мире:
 они хотят быть красивыми,
 модно одетыми,
 они хорошо причёсаны,
 употребляют дорогую косметику.
 Они хотят быть любимыми
 и чтоб мужчины за ними
 красиво ухаживали,
 дарили цветы.
 Они требуют
 просторные квартиры,
 современную мебель,
 кровати.

Притча прагматическая

Жили-были два брата.
 Один веровал в Единую Святую Троицу –
 Бога Отца,
 Иисуса Христа, Сына Божьего,
 Духа Святого,
 а второй не верил,
 был атеистом.
 И что же?
 Поумирали братья.
 И оказалось на том свете,
 что Господа – нет,
 одна только тьма, ничто...
 Что потеряли и что выиграли братья,
 верующий и неверующий?
 А – ничто,
 ничего один и другой не потеряли.
 А вот
 если Бог есть,
 как говорила Библия,
 то верующий очень много выиграл –
 он попал в рай,
 а неверующий всё потерял:
 он попал в ад на вечные муки.

Воспоминание

Всё мы забыли.
 А вернее: всё задавили в нас.
 Это хорошо,
 что я могу ещё вспомнить,
 как моя мама
 водила меня в церковь,
 учила молиться,
 как ко мне подбирался страх
 перед исповедью первой,
 как лучезарно, легко стало на душе
 после первого причастия,
 как я молился Богу,
 чтобы Он помог мне
 в моей первой любви...
 И вот всё это я теперь вспомнил:
 и легче мне стало жить.
 А вот каково тем,
 кому и вспомнить нечего?

А всё это требует
 сил и времени,
 и немалых денег.
 А силы, деньги и время
 мужчинам нужны
 на изобретение новых видов
 оружия,
 на муштру и дисциплину,
 на затею драк.
 Но мужчины и здесь
 выдыхаются,
 и они начинают вовлекать
 в эту мировую гонку
 и женщин,
 проводя эмансипацию.

Руслан Кошкин

Вятка

Зимовье

Круглым-кругла, белым-бела
земля была.

Без края, но не без угла,
Белым-кругла.

Раскачивал, бывало, бор
ветров напор.
Порой в сосновый сговор-спор
встревал топор.

Струились время и вода,
и не беда,
что пробивались не всегда
из-подо льда.

А если зябла вдруг рука,
хотя слегка,
подмогою бедняжке был
дыханья пыл.

По небу плыли облака
издалека,
и взгляд, их провожавший в даль,
таил печаль.

И дух подкатывал под дых –
изладить стих,
и каждый вздох в словах простых,
как Бог, был тих.

И было слово, что могло
давать тепло,
бывало многожды оно
затеplено.

И вечер был, и утро вслед –
закат, рассвет.
И день был – ладились дела.
И ночь была...

Побратимы

Разойдёмся во взглядах на быт, бытиё, питиё...
Или что там ещё? Разойдёмся во вкусах.
И, не выбрав причину сцепить пятерню с пятернёй,
похороним друг друга в воззрениях куцых.

Разойдёмся по станам и ветхий раскол углубим.
Наречёмся врагами – конечно, «до гроба».
Разругаемся вусмерть, сцепясь под предлогом любым,
и уняться не даст гонорок, многогрёбан.

Разойдёмся во всём. Но сойдёмся у той проходной –
как бы ни были прежде друг другу противны, –
но сойдёмся, возможно, у стенки расстрельной одной,
на краю у могилы одной – побратимы.

Мочало

Как бы встать мне до свету, до зари,
пробудиться духом до петуха,
разогнувшись в-три-жива, раза три
самому прогаркаться с-подо мха.
Как бы в самый ранний и верный час
подсобраться духом бы всем к тому,
чтоб за лета многая да хоть раз,
хоть бы раз убраться в своём дому.
Чтоб распутать долгие рукава,
засучить, сучёные, по плечо,
разобрать наломанные дрова,
разогнать ползучее паучьё,
промести все комнаты, все углы,
срамоту повыгрести за порог,
перемыть-продраить столы-полы,
вшей да блох повычесать из порток.
Как бы взяться ладно за этот гуж,
изловчиться с правильной встать ноги.
Как бы выдюжить, ибо гуж – не куш.
Помоги мне, Господи, помоги!
Окати студёною из ведра,
кипяточком, что ли, ошпарь в котлу!...
На дворе трава, на дыре дыра
да мочало мокрое на колу.

* * *

О даль метельная, лесная,
некроенная простыня!
Прости меня. За что – не знаю.
Прости меня!

О боль наследная, родная,
вечнозелёная тоска!
Души меня, туга грудная,
не отпускай!

О мученица Царства ради,
свои моления и мои
о золотом небесном граде
не обмани!

О собирательница благодати
другой, нетутошней страны!
Моей любви, моих объятий
не отстрани!

Пропеллер

Не то над палёным афганским нагорьем,
не то над кавказским хребтом
своим – на спасенье, инаким – на горе
«Ми-8» мотыжил винтом.

Не с дури пред ним и вершины робели.
Но есть всему срок и черёд.
Разрывом снаряда сорвало пропеллер –
и рухнул в провал вертолёт.

Но странное дело: в лепёшку вертуха,
огонь по ущелью и дым,
а винт, к изумленью пальнувшего «духа»,
продолжил полёт невредим.

Года под откос. Но доносится глухо
пропеллера гул маховой
порой до туземного чуткого уха,
пыль вихрится над головой.

И садит порой по винту батарея,
не видящая наперёд,
что без толку это: ни стингер, ни время –
ничто летуна не берёт.

Над кручами реет он призраком, тенью,
на горних парит сквозняках.
По чейному только веленью-хотенью –
внизу не сойдутся никак.

Кивают на правую сторону эти,
иные налево плюют;
одни салютуют ему, словно дети,
другие поносят салют.

А вздорный пропеллер, архангела вроде,
решает задачу свою –
мотыжит себе на неявленном фронте,
в нетутошнем бьётся бою.

Поровну

Миром Господу помолимся –
по миру, по миру
в полторы тоски, вполголоса:
Господи, помилуй!

Сколько накопилось копоти
по теям да сора!
Ты омой нас скопом, Господи.
Скопом, без разбора.

Подели меж нами поровну,
ровно на погосте:
по понюшке – веру попруну,
горести – по горсти.

Чтоб не грызться меж собою нам
курам на потеху,
чтоб латать одну, соборную –
на себе – прореху.

* * *

«Горше ягод калины, наверно, и нет ничего.
Разве только осины корьё да берёзова каша...» –
думал я, салагон, при распробе, склоняя чело
и харкаясь красно, будто туберкулёзник от кашля.

Молодая калинка была, потому и дирка.
По морозцу она хороша, а будь голод – и вдвое.
До поры же клевать – хоть калина тебе, хоть ирга, –
только дёсны саднить, рот кривить, кровенить ретивое.

Что я знал, несмышлёный, тогда про лядащую студи,
про бескормицу, про обескровленность и немотство?
Как я мог распознать, уловить этой горечи суть,
от которой и дёснам чесотка, и сердцу неймётся?

Подобрать бы словцо. Да какой оборот речевой
к тяге той подойдёт, за подвохом поблажку сулящей?
Эх, калина-малина! Горшей её нет ничего.
Оттого-то, наверно, и нет ничего её слаще.

Русский лён

То не плоть от голода голосит –
то, насущным хлебом по горло сыт,
да гнилым достатком не ублажён,
дух спросонья ломится на рожон.
Только нет отдушины, нет коня,
путь-дорожка скатертью не ткана,
и гниёт, не полотно, не драно,
во широком во поле полотно-рядно.
Что ли волком взвыть? Да луна бледна.
Что ли посох выдернуть из плетня –
да пешочком, по уши-то в грязи,
всё по ней – по матушке по Руси?
Гой ты, князь удельный, педальный конь!
И куда ж собрался ты? Далеко ль?
Али жор без продыху стал не мил?
Али милым мерзостям изменил?
Волки сыты овцами целыми
и томятся новыми целями.
Ну а ты – с чего бы то? – сам не свой,
посыпаешь голову вдруг дресвой.
Нагонявшись досыта за рублём,
как паршой, стяжанием оструплён,
не деньгу – себя ты зашиб деньгой.
Оттого и маешься день-деньской.
А пойдика во поле ты, дружок,
во широко во поле, во лужок
и, тоской неведомой обуян,
обозри в округе глухой бурьян.
Приглядись к нему, как к степи калмык,
и сквозь слёзы узришь на краткий миг,
как среди полыни, не тереблён,
на ветру колыхнется русский лён.

Протоиерей Андрей Логвинов

Санкт-Петербург

* * *

Чистейшим бумажным листом
я выпал из Божьей десницы...
И лист закружился потом,
чтоб снегом к земле устремиться.

Он вишенным плыл лепестком,
он колосом к ветру раскрылся,
он лился парным молоком
и льном, поседев, теребился...

Всё, Отче Небесный, – лови
меня – как отчёт о побывке!..
Ты только слова о любви
прочтёшь на бумажном обрывке.

Ландыши

Отчего такая нежность?
Улечу душою я,
хоть почти невзрачна внешность
ландыша и соловья.

Соловьёв, любовью пьяных,
незаметен разве труд? –
словно нотки, на полянах
кротко ландыши растут.

Отчего такая свежесть?..
Вечность, кажется, бы рад
жадно слушать звуки те же,
этот тонкий аромат.

Как слезинки – неслучайно:
кротким ландышам видна
и совсем иная тайна,
и иная тишина.

В них стыдливость, кротость, трепет,
свет небесной чистоты...
Нас в Раю, конечно, встретят
белых ландышей цветы!

Сретенье

Жил назад две тыщи лет
В Иерусалиме дед –
Симеон Богоприимец,
Смерти ждал – ан смерти нет.

Весь пророчеством оброс,
Что придёт к нему Христос.
А когда? – согнут вопросом,
И в усах вопросом нос.

В Иерусалимский храм
Всё ходил он по утрам –
Был упрям, чтоб смыть сомненья
Своего бывшего срам.

...Как-то в утро мглистое
Видит: Дева Чистая,
С Ней сокровище – Младенец,
Вечный мира смысл тая.

Божий дед – за триста лет –
Плакал, ветхий, как Завет,
В руки взяв Владыку мира,
Как спелёнутый рассвет:

– Ждал я в глубине души,
Жил я, встречи чаявши.
Время Нового Завета.
Ныне отпускаеши...

Протекли столетия.
Душ спаслись соцветия.
И, сейчас живя на свете,
За Христа в ответе я.

За Христом хожу я в храм
По утрам и вечерам.
В храме – Сретение, Встреча!
Благодатно сердцу там!

Сретенье – сердечное.
Трепетное, свечное,
Пламя сердца берегая, –
С Богом буду вечно я!

Икона Богородицы

Я гляжу на Неё ежечасно
И не в силах глаза оторвать.
До чего же икона прекрасна,
Где Пречистая Божия Мать
Держит миру подарок – Младенца
И любовь не скрывает Свою!..
Не могу на Неё наглядеться –
С Нею сердцу легко, как в Раю!

Картина Саврасова

– Грачи-то эти... прилетели
К Саврасову на полотно...
И чем, скажите, в самом деле,
Картине так пленять дано?

Ведь простенько, убого даже,
Пейзаж расхристанный почти...
– Ты в этом простеньком пейзаже
Гораздо большее прочти.

Да, грязный снег... но – Пасха скоро.
Да, воздух мокрый, как от слёз...
Но голоса Руси просторы,
Что близко – солнце и Христос.

Надежда ведь Руси основа!
Надеждой ли, душа, живёшь?..
Вот отчего родней родного
Саврасовских грачей галдёж.

Юрий Лопусов

Москва

Баллада о женитьбе моего друга Ивана Зуева

Я грязный был, как сатана,
И бабами оброс, как корабль ракушками.
А она была чистая, как простыня,
И мизинчик топырила, когда кушала.

Я водку жрал, а она – ситро.
Я здоров, как бык, а она – сосулечка.
У неё хоромы возле метро,
А у меня избушка на Таганской улочке.

Она полюбила меня... за примитив:
«Ты прост, как сапог, а душа просторная».
Я слопал наживку, вписавши в актив
Свой примитив плюс глаза её чёрные.

Она мне сказала: «Люблю обнимать
Бычью шею, на солнце печёную...»
Упала без чувств её бледная мать,
Увидевши рожу мою неучёную.

Отец – тот схватился за валидол
И почему-то стал заикаться.
Но быстро улегся семейный содом –
Такой уж характер у Сарочки Кацман.

Жизнь – сложная, как преферанс,
Или, по-ихнему, «ди-а-лек-ти-ка».
Мой «примитив» изживали, как класс,
Как контролёр – дурака-безбилетника.

Она после свадьбы сказала: «Не след,
Ванюша, тебе среди нас выделяться...»
Пришлось мне освоить слова: этикет,
Сухое вино, институт, диссертация.

Теперь я – ангел. Живу без баб.
Сломали мой дом на Таганской улочке.
Жена моя толстая, как баобаб,
А я перед ней – как сосулечка.

Эпиграммы

Поэту Евгению Евтушенко

Нарцисса комплекс явно в нём заложен.
Чтоб в центре быть – перешагнёт табу.
Коль свадьба где – он женихом быть должен,
Коль похороны – должен быть в гробу.

*Бывшему служителю церкви, а ныне поэту
и прозаику Николаю Переяслову*

Вчера монах, а нынче он
Оставил церковь, служит Музам.
Не знаю, рад ли Аполлон,
Но с Бога хлопец снял обузу.

*Критику Юрию Суровцеву, работающему над
темой*

«Конец русской идеи»

Всю жизнь закапывал он русскую идею.
Корпел, как раб, стирая пот с лица.
Уж силы нет, уж волосы редеют,
А ей, проклятой, нет и нет конца.

Владимир Львов

Тверь

Листопад

Листопад. Какая красота!
Куст калины – красными бантами!
Даже бугорки после крота
На отаве кажутся цветами.

Ёлки подпирают небеса,
Чтоб не опрокинулось ушатце.
Мы с тобой гуляем три часа –
Нам с тобой никак не нашуршаться.

В парке перед домом, как в лесу,
Пахнет дикой мятой и грибами.
Скоро пить вечернюю росу
Будет ива томными губами.

Ветерок откроет ворота –
Пусть во двор влетает листьев стая.
Господи, какая красота!
Русская-прерусская! Простая.

Запахи родины

Пахла избушка суслом,
Воском и хлебом свежим.
С Зинкой горбушки отрежем,
Сольцей посыпем – вкусно!

Сени же пахли тмином
И сыромятной кожей,
Потной рабочей одеждой,
Дёгтем и керосином.

Хлев – молоком, навозом. –
«Нюхай духи бесплатно!» –
Так пошутить приятно
Батя любил тверёзым.

За деревенькой поле
Сладко благоухало:
Лёгких у нас не хватало,
Чтоб надышаться вволю!

* * *

Не в угоду каким-то силам,
Не в угоду родным и милым,
Вообще никому не в угоду –
Вот что значит иметь свободу.

А свободным быть – это значит
Если в мире никто не плачет,
Если нету конца дорогам,
Если ты не один, а с Богом.

Дробное число

Батя дробь катал на сковородке,
Мать чинила батины исподки.
Дед на печку спину греть полез,
Бабушка в углу сучила пряжу,
Кот с щетка сметал в загнётке сажу,
Буксовал в задачке я, балбес.

Время шло. Задача не решалась.
Чёрт меня подталкивал на шалость,
Да и сам я был не без копыт:
Будто невзначай задул коптилку,
Получил от бати по затылку
И вдогонку: «О! Теперь горит».

Батя мой – мужик отнюдь не хворый,
На руку он был как поезд скорый,
Не бросал на ветер лишних слов.
Он задачки щёлкал, как орехи,
Втолковал резонно неумехе,
Что такое дробное число!

Впрок пошла мне батина наука.
Но, однако, вот такая штука:
Целое на части не дроблю –
В каждом храме Русь святую вижу,
За грехи вас не возненавижу,
А за добродетели люблю.

Помаленьку

Вы знаете: живём мы помаленьку,
Работаем помногу, тяжело –
Всё лето в борозде на четвереньках,
И в сердце ничего не зажило.

Болят оно и мается издревле,
Всё тело обдавая кипятком,
О том, что в заколоченной деревне,
Зовущейся уютным закутком,

Хозяева, на корточках присев,
Боятся взять в свою защиту слово,
О том, что сокращается посев
Когдатошнего золота тверского,

В народе нарекаемого льном.
О том, что не хватает рук рабочих,
Что бельмы заливаются вином,
А мысли всё короче и короче.

Что нам порою некогда вздохнуть.
Но дело-то в конце концов не в этом.
Вот приезжайте в отпуск этим летом
От города маленько отдохнуть.

Владимир Макаров

Омск

Дрожжин

Много поэтов в России,
Всех не упомнить.
Всё же
Негоже
Хоть одного забыть.

Я спросил пятерых друзей:
Дрожжина как зовут?
– Дрожжина?
Помню, помню,
Был крестьянин-поэт...
Что-то писал о пашне,
Что-то такое...
А звали –
Честно скажу, не знаю.

Дело не в имени, братцы,
Звали его Спиридоном, –
Дело же всё-таки в том,
Чтоб ни одна крупица
Золота
русской речи
Не потерялась...

* * *

У одного хорошего поэта
Давным-давно я прочитал стихи
О городе Пропойске – и туда
Порою так хотелось мне уехать, –
Ведь экое приманчивое имя,
Отчаянное, я скажу вам, имя –
Пропойск!..
Но, видно, братцы, не судьба,
Коль в молодые годы не собрался,
А нынче – возрастом обременён...

К тому же, если репу почесать,
На чёрта мне дорожные расходы
Теперь, когда страна –
Сплошной Пропойск?!

Филемон и Бавкида

Вот идут по аллее
В присутствии снега,
Что как раз на Покров
Снова выпал надолго,
Муж с женою –
Два немолодых человека,
Два врача,
Два продукта советского толка.

Он снова
Стихи на закате читает,
Как когда-то читал
На весеннем рассвете,
А у ней на пальто
Снег пушистый не тает
И мерцают снежинки
На чёрном берегу.

Нынче август для них
Был рубиновой свадьбой,
И родные – из выживших –
К ним приходили.
В эти смутные годы
Им лучше не знать бы,
Что оболган в стране
Жанр семейных идиллий.

Рай и ад испытавши
В быту полосатом,
Надорвавши сердца,
Измочаливши нервы,
Жизнь протопавши рядышком
В веке двадцатом,
Осторожно шагнули они
В двадцать первый.

Что их ждёт в нём?
Какие знаменья и грозы?
Хватит старых запасов –
Костюмов и платьев.
Незадача одна:
Говоря строгой прозой,
Толерантности – жить, пресмыкаясь, –
Не хватит.

В мире слёз и улыбок,
Стекла и металла,
Где бесщётны дела,
Где конечны дороги,
Дай им Бог,
Чтоб она без него не страдала,
Чтоб не мучился он без неё,
Одинокий.

Дай им Бог,
Если мрак их накроет волною,
Пусть друг с дружкой уйдут
Эти два человека,
В одночасье простившись
С юдолью земною –
Филемон и Бавкида
Новейшего века.

Владимир Максимов

Иркутск

9 мая

Сосед играет на гармошке.
Играй, соседушка, играй!
Ведь даже если будет горе,
Не так, как было – через край.

Играй, соседушка, наяривай!
Рвани меха от всей души!
И тишину предместья нашего
Глуши аккордами, глуши.

Эх, надрывается гармошка!
Жаль, спотыкается мотив.
Сосед затынет: «Эх, дороги...»,
К гармонии голову склонив.

Потом в вине усы купает.
Потом «Семёновну» начнёт.
И пляшут, бабы, подвывая,
Да так, что оторопь берёт.

Пятидесятых лет мальчишки,
Таращим мы на них глаза.
А по щеке у гармониста,
Сверкая, катится слеза.

Юрий Манаков

Риддер, Рудный Алтай

Подорожное

Половиц ворсистых мягкая улада,
Сотканые умно нити и волокна.
Лягу у порога, летнюю прохладу
Принесёт из комнат, где открыты окна.

Божия коровка по стене белёной
Проползёт цветочком, в крапинку багряным.
Я сегодня просто солнцем утомлённый,
А до половичек ближе, чем к дивану.

По жаре июльской вовсе и не лень мне,
Было лишь печально, да и то немного,
Обойти, прощаясь, милую деревню,
Потому как завтра дальняя дорога.

Буду ехать долго у окошка молча.
Перестук на стыках. И навьлет вроде
Города, где в каждом доме нынче больше,
Чем во всей деревне, теплится народа.

Теплится-то больше, да иной порядок...
Оттого сегодня пусть открыты окна,
Пусть струится в душу лёгкая прохлада,
Да и я побуду хоть денёк свободным.

Книга моя

Хоть я и приемлю мир этот как милость,
До срока б не брякнуться оземь с крыльца, –
Та книга моя, что мне в детстве приснилась,
Ещё не дописана мной до конца.

Ещё во мне бродит стихия дороги,
И я расстоянья любые сомну,
Пройду по горам, и крутым, и пологим,
И где-нибудь на море встречу весну.

Я знаю, что жизнь не такая, как прежде,
Всё спуталось в ней и в потёмки ушло,
Но к свету – вперёд! – я шагаю в надежде
На то, чтобы с солнцем мне вновь повезло!

Лучей начерпал бы я тёплых и добрых,
В котомку бы их и – в потёмки опять.
Чтоб всем, заплутавшим на жизненных тропах,
Как свечи, лучи эти в руки раздать.

И пусть пребывает на всех Божья милость,
А мне снова в путь от родного крыльца,
Ведь книга моя, та, что в детстве приснилась,
Ещё не дописана мной до конца.

Небо

Памяти Павла Васильева

Там, где Иртыш, как лезвие кинжала,
Разваливает надвое луга,
Как сукровица пена краснотала
На глинистых и топких берегах.

Там, где в снегах вершины, что не меркнут
И ночью, отражая звёздный свет,
В высоком небе одинокий беркут
Загадочный прочерчивает след.

Земля свои меняет очертанья.
Насытись злом, издрябли палачи.
Ни оправданья нет, ни покаянья,
Лишь по-над степью реквием звучит.

Он и зимой, в мороз, не затихает,
Как будто нам печалуется степь,
Певца и сына нежно вспоминая,
Что не расправил крылья, не окреп,

Но был распят безжалостно и подло
На капище. Учёная толпа,
Вернее так: начитанная кодла
С оскалом развращённого раба

Глумилась всласть. И память о поэте –
Ей думалось – она втоптала в грязь.
Тогда-то в небо с тихим горним светом
Душа его, как птица, поднялась.

И кто б теперь преданья ни коверкал,
Чего б надменно ни произносил,
Летит в высоком небе вольный беркут
От гор Зайсанских к песенной Руси.

Калина красная

Десятый класс, апрель, «Калина красная».
Из кинозала вышел я другим
И целый год прожил под знаком праздника.
Я был тогда смертельно молодым.

Пускай теперь не мне цветут акации
И жизнь прошла, я не скажу: как сон.
Я в ней прощал, и приходилось драться мне,
Я в ней бывал высоко вознесён.

Но и по дну без провожатых хаживал,
Потом с трудом на солнце выползал.
Ни у кого поблажек не выпрашивал,
Всегда я помнил старый кинозал:

Пригорок. Храм. Егор Прокудин, плачущий
От боли и прозренья, от стыда.
Такие мы. Пусть знает всякий алчущий –
Не взять нас никому и никогда!

Николай Никишин

Москва

Золотая середина

Я ни подножье, ни вершина
Горы по имени Парнас, –
Я золотая середина,
Я свет, невидимый для глаз.

Не потакая пошлым вкусам,
Мой дом и скромн, и богат.
Я между минусом и плюсом –
Я словно молнии разряд!

Он только вспыхнет на мгновенье,
Являя мощи торжество, –
Но воздух чище и нетленней
Надолго станет от него!

* * *

Кто несётся там – наши ли, их ли, –
Ведь ящик не имеет греха!
Но ударили снежные вихри
В золотистые лисьи меха.

Распахнулось ночное пространство.
В поле тройка и две колеи.
Всё здесь было – и дикое пьянство,
И звериная пляска любви!

Моё русское сердце бродяжье,
Ты сошло без ума и в уме, –
Закрутилось в бездонном овражье,
Растворилось в космической тьме!

* * *

Я проснулся. Свет в окне мерещится.
Спит мой тёплый, мой уютный дом.
Под окном река моя всё плещется,
Чёрным не затянута льдом.
Ты моя! Судьба такая выпала!
Ты реки неведомый исток –
По подушке волосы рассыпала
Золотые, как речной песок.

* * *

Осенний лист осиновый,
Бег блак парусиновый
По синеве небес
Печальных и пронзительных,
А там, в ручьях живительных,
Мхов родниковых лес.

И вечер только спустится –
Тенями всё окустится, –
И лишь луны венец –
В полях за перелесками
Скирды висят подвесками
Серебряных сердец.

Внутри соломы слёжанной,
При ярком солнце сложенной,
Лежу я – неба дно!
Уж звёзды загораются –
И мысли превращаются
Из шелухи в зерно.

Евгений Петропавловский

Краснодар

* * *

На склоне заката, облитого кровью реликтовых птиц,
 седлают коней казаки из далёких небесных станиц –
 сбиваются в стаи, и мчатся в тиши, и верстают маршрут
 в неверные сумерки, в пыль уходящих минут;
 черны их бешметы, черны сапоги, и папахи черны,
 и только в зрачках – сумасшедшая сталь восходящей луны...
 Ни гика, ни стука; не звякнет нечаянно бранная снасть –
 как будто и звуки боятся на тёмную землю упасть.
 Несутся безмолвные сотни к мерцающей первой звезде
 по мёртвому Дикому Полю, которое ныне – везде...
 Вдоль гиблых лиманов, отравленных рек и бесплодных полей
 размашистой рысью, а после – намётом пускают коней,
 безудержно мчат по украинным вехам родимой земли,
 которую в сечах с врагом нестрашливо они берегли,
 пока не приспела пора уходить на небесный кордон,
 летят казаки, словно лютая память грядущих времён.
 Мелькают, мелькают копыта, едва ли касаясь травы...
 Когда б супостат повстречался – ему не сносить головы;
 но нет никого: ни чужих, ни своих, ни великой страны –
 лишь Дикое Поле... И чёрным потоком – под сенью луны –
 подобные стаду могучих кентавров, летят казаки
 по следу былого, по древнему космосу русской тоски...

* * *

Отговорила роща золотая,
 и всё покрыто палюю листвою...
 Бутылки из-под листьев выгребая,
 идёт дедок с потрёпанной сумой.
 Патрульно-постовой наряд не тронет
 привычного, как дождик, старика;
 порою на ходу смешок обронит
 иной ханурик, выпивший слегка,
 да пацанёнок, чуждый пацифизма,
 засунет пальцы в рот и засвистит...
 А дед плывёт, как призрак коммунизма,
 и лишь себе под чоботы глядит...
 Снимите, люди, шляпы виновато,
 когда шагает в сумерки герой:
 он – в ранге Неизвестного Солдата –
 остановил фашиста под Москвой,
 пред ним склонились Вена и Варшава,
 ему сдалась в Берлине вражья рать...
 Он заслужил в стране родимой право –
 себе на хлеб – бутылки собирать.
 ...И он уходит в отблеск обветшалый.
 А в небе, не прощая ничего,
 струится журавлиный клин усталый.
 И в том строю есть место для него.

Клим Первушин

Риддер, Рудный Алтай

Дума о войне

У нас на кладбище,
 За огородом,
 Каких-то, может,
 Две версты,
 За невысокими заборами
 Угрюмо
 Высятся кресты.
 И тут же рядом
 Полумесяцы,
 Как в жизни было,
 Так и тут.
 На все подряд
 Старухи крестятся,
 Цветы девчонкам всем кладут.
 Иван, Аман,
 Казах он, русский ли –
 Одна судьба,
 Одна печаль.
 Глаза у женщин
 Горько-тусклые,
 И одиноко
 Их плечам.
 Здесь, со своей людскою
 Слабостью
 Уединившись
 Взгляд на взгляд,
 Сердца тревожат
 Прежней радостью,
 Печалью нынешней
 Палят.
 А позже в сумерках,
 Усталые,
 Бредут домой
 К своим огням.
 И лишь к одной
 Могиле старой
 Не ходит

Грустная родня.
 Да и откуда?
 Разве меряны
 Те вёрсты –
 Горького пути,
 Когда, застывший
 И растерянный,
 На нашу землю
 Он ступил?
 И торопливо
 Шёл по городу,
 Под куст бровей
 Упрятав взгляд,
 В колонне грязных
 И оборванных
 Побитых
 Вражеских солдат.
 А бабы местные,
 Не плача,
 Угрюмо глядя
 Немцам вслед,
 Шептали:
 – Будет долг
 Заплачен
 За половодье
 наших бед.
 И пар струился
 Над платками,
 Зловеще где-то
 Выл гудок.
 С заледеневшими
 Руками
 Они пришли
 На свой Восток.
 Без барабанов
 Были встречи,
 Без хлеба-соли
 И без роз.

Несли уныло
 Свои плечи
 Сквозь гулкий
 Яростный мороз...
 От холодов ли,
 Горькой грусти,
 Что было этому
 Виной?
 Он умер здесь,
 Не веря русским,
 Не веря Гитлеру
 Давно.
 И вот он, враг,
 С врагами рядом.
 Здесь нет
 Ни войн, ни суеты.
 И те же бабы,
 Те же бабы
 Кладут на памятник
 Цветы.
 Нет, не забыть
 Большой обиды,
 Не станет в сердце
 Легче боль,
 Но если вечно
 Ненавидеть,
 Как жить в ладу
 С самим собой?
 И бабы думают
 О матери
 В чудной
 Далёкой стороне.
 Плывёт
 За чёрными их платьями
 Седая
 Дума о войне...

Судьба

Махоркой и водкой пропахший,
Небритый, сутулый, седой,
Он ходит в солдатской фуражке
С потёртою красной звездой.

Не просит в автобусах места,
Не бьёт себя в грудь во хмелю.
А бабы судачат: – Известно,
Пропил он и дом, и семью!

Франтихи брезгливые шепчут:
– Отброс, – у него за спиной.
Друзья, отвернувшись – так легче, –
Обходят его стороной.

А он, заработав «пятёрку»,
С похмелья разбитый, больной,
Пьёт водку и садит махорку
До вечера в первой пивной.

Поёт, улыбается, плачет,
Лохматой трясёт головой.
Бормочет: – Удача-задача,
Зачем я остался живой?

И память большую тревожит:
– Эх, мать твою, этак и так!
Всё прахом, никто не поможет!
Костлявый сжимает кулак.

...А были друзья и невеста,
И удаль была без вина,
Когда заглушило их песни
Суровое слово «ВОЙНА».

Он морщится, пьёт из стакана,
Плескает, запойно дрожит –
На фронт уходил атаманом,
Вернулся – мужик не мужик.

Ни девке, ни бабе не нужен.
Зачем? Разве сумку таскать.
Невеста нашла себе мужа,
А он и друзей не искал...

Небритый, сутулый и пьяный,
Он входит в свой старенький дом
И ночью кричит капитану,
Который погиб под Орлом:

– Алёшка! Держись! Скоро танки
Прибудут на помощь к тебе!
Дружище, из этой болтанки
Ты выйдешь назло судьбе!

Назло доживёшь до Победы,
До самого светлого дня!
Ты слышишь, я еду! Я еду
Живого тебя обнять!

И он просыпается бледный,
Так близок тот яростный бой:
Пылающий танк, грохот, бездна,
И боль – эта страшная БОЛЬ...

Но врешь! Он дошёл до Берлина,
Он честно и зло воевал.
За смелость его, словно сына,
Седой целовал генерал.

Победа! Победа! Победа!
Он дожил до этого дня!
Сквозь смерти, сквозь пули, сквозь беды
Прошёл он, судьбу не кляня.

Пускай счастье встало спиной
И жизнь закрутила фортель, –
Что ж, много за этой войною
Осталось утрат и потерь.

И ныне, Девятого мая,
Он старый наденет мундир –
Совсем ведь немногие знают,
Что пьяница был командир –

Награды на кителе тронет,
Протрёт на фуражке звезду
И выйдет на улицу, стройный,
Забыв про лихую беду.

Пусть солнце, пусть дождь будет капать
Над майской зелёной травой,
Снимите тирольские шляпы
Пред белой его головой!

Елена Пиетилляйнен

Петрозаводск

* * *

Среди отживших век вещей
Найдётся чей-нибудь подарок.
Среди рождественских свечей
Ютится сморщенный огарок.
Среди торжественных тирад
Молчанье скорби незаметно.
И среди доблестных наград
Есть присуждённые посмертно.
Среди измученных бродяг,
Мечтающих от жизни скрыться,
В потёртых сношенных лаптях
Тоскует странствующий рыцарь.
И смысла целостности нет
В разбитом на осколки мире.
Он – как забытый кем-то свет
В остывшей нежилой квартире.

* * *

Вьётся змеей в пространстве
Ветер, уют круша.
Но уцелела странно
Бьющаяся душа.
Вьётся слепая ярость,
Плавится белая боль.
И выпивает старость
Выжившая любовь.
Пульсирует в листьях ветер,
Крошится жёсткий век.
Но уцелел на свете
Бьющийся человек...

* * *

Я своё ещё наверстаю!
Даже если остались песчинки
В беспристрастных часах. И стаи
Птиц на юг собираются чинно –
Я успею ещё согреться!
Хоть и солнышко не в зените,
Но стучит во Вселенную сердце
И душа бредёт по наитию
В лабиринтах историй, судеб,
Заблудиться уже не рискуя.
И теперь никого не судит,
О потерянном не тоскуя.
Ещё в солнечной
тёплой купели
Не остыла дождя водица!
...Хорошо, что мы просто успели
На Земле этой в срок родиться...

Андрей Расторгуев

Екатеринбург

* * *

Уезжаю – словно убиваю.
Сердце замыкаю, забываю.
День за днём по капле убываю,
истекаю дымом без огня.

Уезжаю – словно умираю.
Телефонный номер набираю
и с того, невидимого края
слышу: всё в порядке без меня...

Знаю: всё земное разойдётся –
ляжет в землю, к облаку взовьётся.
Оттого и сердцу достаётся,
И уста напоминают нить...

Кажется, и мама отзовется,
стоит наудачу позвонить.

* * *

Посветлели небеса
над моею головою.
Между нами – два часа,
коль дорогой столбовою.
Два часа – рукой подать,
словно греке через реку...
Это солнцу благодать,
двое суток – человеку:
ветра, леса и степи
да речного полноводья...

Не спеши, родная, спи –
я приеду не сегодня.
Но любому воробью
нынче ведомо на свете:
это я тебе и детям
новый день передаю...

* * *

Я этот город ещё не люблю,
битый морскими плетьюми.
Я этот город ещё населю
мне дорогими людьми.
Я этот город ещё оживлю,
собственной жизнью делюсь.
Я этот город ещё исцелю,
сам от него исцелясь...

Если меня среди белого дня
сызнова прочь унесёт,
жил триста лет он, не зная меня, –
триста ещё проживёт.
Но из небесных и каменных пор
в сердце сочтётся родство.
Я уже двое подмётков истёр
о мостовые его.

* * *

Не ведаю, чей нрав перенимаю, –
года на города переменяю
и каждый, ощутив накоротке,
стараюсь окатать на языке.

Катаю, говорю и проживаю –
и снова ткань земную прошиваю,
живущему над суетною мглой
служа одушевлённою иглой.

И сотканное вроде бы навеки
нуждается в словесном человеке,
поскольку осязаемая нить
не в силах плотно соединить...

Анна Ретеюм

Москва

На родине

Как ветер шумит неустанно!
Как небо кружит над листвою!
И сердце тоскует пространно
Об этой земле холостой.

В народе справляют гулянье:
И смех раздаётся, и всхлип.
А ты всё стоишь на поляне
В янтарном дыхании лип.

Не чуют тебя перелески,
И людям ты вряд ли нужна.
Но всё же до боли прелестны
Глушь дней и ночей глубина.

А сердце ревнует и просит
Ответа у кроткой земли.
И дождик молчание косит,
И плавно бегут ковыли.

* * *

Что в имени тебе моём?

А.С. Пушкин

Назови меня ветром степным,
Назови ключевою водичей,
Волчьей ягодой, сизою птицей,
Что вонзается в утренний дым.
Я откликнусь на имя ветлы,
На «попынь» и «росу» – не обижусь,
Ведь туда, где и травы смуглы,
Всё дорогой беспамятства ближусь.
Всё туда, где напьюсь молоком –
Золотистой, полуденной ярью...
И припомню Ивана да Марью
В чёрном доме своём вековом.

* * *

До горизонта не дойти.
До человека не добраться.
Но говорю я по пути
Со всем, что может повстречаться:
«Привет, оранжевая плоть
Скалы, мелькавшей предо мною!
Кто смел тебя так расколоть –
Лишь пыльный щебень под ногою?»
«Привет, блестящая вода,
Хоть жажды и не успокоишь,
Ведь заманила ты сюда
Невинной горечью – всего лишь!»
«Привет, летучий тамариск!
Почуял новое дыханье?»
Так говорю... но слышен свист
Песка на огненном бархане.

Черногорская баллада

Отец мой славен и богат –
На прчаньской стороне
Блестит его большой фрегат,
Блестит его большой фрегат,
Тоскуя по войне.

Снуют с поклажей моряки,
Но всех ловчей из них
Тот, что и бочки, и тюки
Усилием одной руки
Подъёмлет – мой жених!

Вот-вот пробьёт условный час,
И тучных скал гряда
Восстанет холодно меж нас,
Меж верных губ, орлиных глаз –
Солёная вода.

Я буду море вышивать
В прогалине окна –
Так некогда умела ждать
Молчуния, слепая мать –
Без устали и сна.

Отец мой славен и богат
На прчаньской стороне,
Но белокаменных палат,
Но белокаменных палат
Не надо вовсе мне!

Кладу упрямые стежки
Из заревых волос,
Как будто быстрые шажки
Туда, где порох и штыки,
Где ранен мой матрос.

Висит над морем голубым
Прибрежный сердолик,
И тёплый жемчуг из глубин
Нанизан на лучи седин –
Разлуки древний лик.

Александр Руденко

Москва

(Христо Ботев, перевод с болгарского)

Доля

Мы братья с тобою по чувствам,
одни у нас мысли, заветы;
и верю, что нам не придётся
раскаяться в мире за это.

Добро или зло мы творили –
потомство пусть судит по чести;
сегодня – вперёд – твёрдым шагом
пойдём – рука об руку – вместе!

В пути были спутники наши
и бедность, и скорбь на чужбине,
но мы их по-братски делили,
разделим же снова и ныне...

Разделим людские укоры,
насмешки глупцов... И – с тобою
всё стерпим, но знаю, не охнем
под тяжкою мукой любовью.

И наших голов не преклонят
ни страсть, ни мирские кумиры;
что было на сердце – раскрыли
печальные наши две лиры...

Вперёд же – как чувствуем, мыслим!
Чтоб нам напоследок посметь
исполнить заветное слово –
на смерть, брат, пойдём мы, на смерть!

Патриот

Патриот... Готов и душу
за науку, за свободу
он отдать, но только, братья,
душу не свою – народа!
Каждому помочь готов он –
коль вознаградят, заметьте:
человек он – что поделать –
душу продаёт за деньги.

Он христианин хороший,
к литургии ходит честно,
но и в церкви – потому что
для торговлишки полезно...
Каждому помочь готов он –
коль вознаградят, заметьте:
человек он – что поделать –
и жену отдаст за деньги.

Добрый сердцем – не оставит
бедняка и сиротину;
но не он вас кормит, братья, –
на него вы гнёте спину!
Каждому помочь готов он
загребущими руками;
человек ведь – что поделать...
Съест себя он с потрохами.

Сбежавшая

Слышится кавал с поляны
у дубравы... Шагом быстрым
за водой идёт Стояна
молодая – с коромыслом.

А жена отцова брата
злобно голосит из сада:
«Ты с ума сошла, Стояна!
Почему идёшь так рано?

Я – с тобою... Погоди-ка!»
К матери бежит... И криком
жалуется на Стояну:
мол, сбежала на поляну...

Вот под крышею чердачной
выглянула мать в оконце:
ахнула, забила в плаче,
увидав, как знамя вьётся,

на ветру алеет – там, где
в круг сошлись бойцы – дружина;
а Стоянка в белом платье
уж в объятьях у Дойчина...

Как увидел он подругу –
по тропе спешащей к кругу,
сам навстречу быстрым шагом
вышел и сказал юнакам:

«Эй, дружина, станьте рядом!
Вот она, моя отрада,
вот моя лесная птица;
я хочу на ней жениться!»

И пошёл к Стояне – весел,
молод, – поводя плечами;
из винтовки в поднебесье
грянул, милую встречая.

В воздух залпы загремели
на засевах*, и запели
песню все юнаки вместе;
и Дойчин обнял невесту.

Горько плачет мать Стояны
от дочернего обмана,
проклинает дочь, судьбину,
шлёт проклятия Дойчину.

«Чтоб ты света не видала,
дочь неверная, от тягот!
Там, где сядешь, – чтоб не встала,
чтоб совсем слегла ты за год!

Чтоб тебя хвороба сгрызла,
дочка, – злая хворь-убийца,
и Дойчин твой чтоб не скрылся
от цепей и от темницы!

Чтобы твоего юнака
завтра посадили на кол:
ухмыльнётся вот поди он
и тебе... и самодивам**!

Твоего он сделал брата
гайдуком, немилым Богу;
и тебя сманил в дубраву,
чтоб забыла в дом дорогу!»

Крики те – сквозь сон услышал
и отец Стоянки старый:
удивился он, и вышел,
и по лбу себя ударил.

Но лишь увидал Дойчина,
дочку милую и сына,
бороду помял седую –
крикнул в сторону лесную:

«Ой ты, мать лесная сила,
столько лет меня кормила,
старого бойца, в дубравах –
и моих юнаков бравых!

Мы твои, дубрава, дети!
И покуда солнце светит
и поёт лесная птица,
это знамя будет виться!»

*Засевки – свадебный обряд.
**Самодива – лесная русалка.

Василий Рысенков

Тверь

* * *

Всё бродить и бродить, до усталости,
захлебнуться воздухом хвойным.
Этой милости, этой малости
даже грешники все достойны.

Пусть под ветром берёзы мечутся
над рекою стеклянно-серой.
Это синих стрекоз отечество,
это родина водомерок.

В тёплом небе стрижи купаются,
огрызаются грозы глухо;
и накрыла ольха купальницы,
как цыплят от ястреба клуха.

Так допьём же, на жизнь не жалуясь,
день, заваренный с иван-чаем.
Мы, усталые, глупые, малые,
даже счастья не замечаем.

Вслед посмотрит печально корова нам
из высокой травы за садом.
Нам с тобой эта милость дарована
как за боль и печаль награда.

* * *

Серебристое облако голубей,
ветер ласковый и густой...
Радость – солнечным зайчиком по избе
от одной улыбки простой.

Сердце просится в сумерки, в ручейки.
Дотянись, сохрани, возьми
все забытые галочки чердаки,
весь мерцающий старый мир.

Мир, который ни выдумать, ни купить,
с шелестящим словом – судьба.
Нам столичный отравленный воздух пить
и туман болотный хлебать.

Тайна прячется рядом, она вот здесь –
за ночной пеленой окна:
церковь к сонной и синей большой звезде,
как ракета, устремлена.

* * *

Незнакомая зима впереди –
чтобы снова я гадал и писал.
В дальнем поле наследила лиса,
а над полем самолёт наследил.

Ночью ветер загудит, запоёт...
Побегут огни завьюженных сёл.
Больно помнить, что закончится всё.
Задержи, запомни время своё.

* * *

Нищим пьяницей бродит весна за окном,
прикрывается небом – далёким и синим.
Дремлет солнце в тарелке горячим блином.
Древний праздник в рассветную комнату хлынет.

А деревня грязна, а дорога длинна...
Там вчерашняя вьюга бурьяны ломала.
Нас ругали сороки, жалела желна.
Только, видимо, проку от этого мало.

Мы привяжем луну – будет дом сторожить,
воспитаем ручного зелёного змея.
Почему же по-прежнему хочется жить
даже тем, кто «вертеться» совсем не умеет?!

Ты уедешь, когда прилетают скворцы,
прилетают из детства, из прежнего сада.
Здесь останутся пьяницы и «мудрецы» –
те, кому ничего в этой жизни не надо.

На вагонном стекле будет розовый след –
из отколотых лет промелькнувшего века...
Стайка лёгких осин забегает в рассвет,
как смешные мальчишки в июльскую реку.

* * *

Жизнь, как сон, доглядеть в мире дней и людей.
Для бесплодных идей хватит рваных карманов.
Только знаю: посевы весенних дождей
непрерывно взойдут урожаем туманов.

Прошагать мимо грязных крикливых цыган
в деревнях, где давно духа русского нету,
ни в шелках, ни в долгах, никому не слуга,
по ленивым лугам – за Тверцу ли, за Лету...

Проживём, ничего,
если выгонят вон
(в мир грядущих времён
допускают не многих):
где почтовые тройки посеяли звон,
колокольчик пророс у забытой дороги.

Что там?
Избы горят?
Или это заря?
Снова в день Октября ветры знамя морщият.
Может, всё же не зря
мы из прошлого грязь
на своих сапогах
в новый век затащили?

Выбрал медленный, ползучий рассвет
синим бродом, за сугробами путь.
Он вслепую ищет в поле тропу.
Он слепит глаза озябшей сове.

Закрываются над нами миры.
Снится лето карасям на пруду.
На ладони ночь подержит звезду
и на месяце поедет с горы.

Валерий Савостьянов

Тула

Примерка

В электричке холодно, сыро,
Темень и дождь в окне...
Она вязала свитер для сына,
А примеряла на мне.

Прикинув: до дома можно успеть ли? —
Без всякого чертежа
Самозабвенно считала петли,
Спицами ворожа.

И ей дорога, что тянется, как резина,
Казалась короче вдвойне.
Она вязала свитер для сына,
А примеряла на мне.

И я поворачивался терпеливо
И молча вставал потом —
Уж как-то по-детски сиротливо
Просила она о том.

Она сказала: «Теперь трясина
И заморозки в Чечне...»
Она вязала свитер для сына,
А примеряла — на мне.

Однажды, видимо не без причины,
Взгляд её замерцал:
Как на солдат похожи мужчины,
А воюет — пацан!

Но ни о чём она не спросила,
Лишь, тихая, как во сне,
Она вязала свитер для сына —
И примеряла на мне.

Другие пели — она не пела,
Не ела и не пила...
Она довольно много успела
И незаметно сошла.

А я, очистив пол-апельсина,
Из фляги чуть пригубя,
Уже не свитер — судьбу её сына
Примерял на себя...

* * *

Рощица прозрачная, нагая,
Листья днями прошлыми шуршат.
Есть ли на Земле земля другая,
Чтобы так умела утешать?

Озеро все прожитые годы
Отражает, словно камыши.
Есть ли на Земле другие воды,
Чтобы так смывали боль с души?

Замело деревню

Замело деревню: избы, риги,
Света нет — лишь светлячок свечи.
Вынимала бабушка ковриги,
Круглые, большие, из печи.

Протирала тряпочкою влажной,
Ставила на стол их остывать.
И сидел я, внук любимый,
Важный,
Ждущий: ну когда же пировать?

Обрядили бабушку в обновы
Смертные,
Отпел её собор —
И такого вкусного, ржаного
Не едал я хлебушка с тех пор...

Замело посёлок —
Лишь церквушки
Светятся высокие кресты.
Пирог румяные и плюшки
Вынимала мама из плиты.

Смазывала маслица кусочком,
Ставила на стол их остывать.
И сидел я дорогим сыночком,
Ждущим: ну когда же пировать?

Обрядили мать.
Душа — как пустынь,
Где спяна куражился вандал.
Пирожков тех с рисом и капустой
Я уже, конечно, не едал...

Замело Заречье и Зарядье:
Город весь — как в праздничной парче.
Вынимает милая оладьи
Из печи волшебной СВЧ.

И хоть я с утра ещё не евши,
Подожду, пока им остывать,
Посижу я мужем постаревшим,
Вспоминая бабушку и мать.

И жене скажу:
«Небесной манны —
Вкус твоих оладий и блинов!»
Учит жизнь без бабушки, без мамы —
И боюсь я траурных обнов...

Русские холмы — как милой груди,
Буйный бор — как братья во хмелю.
Есть ли на Земле другие люди,
Кои так — без жалости — люблю?

Перекрёсток Крест на сердце высек,
Чтобы вместе верить и страдать...
Есть ли на Земле другие выси,
Что так обещают Благодать?

Сергей Сметанин

Сургут

* * *

Сейчас не время для стихов –
Так мне сказали.
Там – бой.
Там – смерть,
Там льётся кровь,
Страна в развале.

Там дети плачут от беды –
Не от капризов.
Там даже нежное – цветы –
Звучит как вызов.

А здесь – обычные дела:
Базар, сберкасса.
А здесь у праздного стола –
Гул перепляса.

От сплетен,
Страхов,
Матюгов –
Мороз по коже...
Сейчас не время для стихов!
А для чего же?

Песня рыбака-ханты

Ночи звёздный поясок
Высоко сияет.
Месяц – лёгкий обласок –
В облаках ныряет.

Отражение в реке
Дробится на части –
Это я на обласке
Догоняю счастье.

* * *

Меня порой терзает сон.
Являет путнику мессия,
Как будто сбилась вся Россия
В один военный эшелон.

Там духота и толчея,
Сквозняк из тамбура по трубам.
Цыган, татарская семья
И казачок с роскошным чубом.

А поезд медленно идёт,
На стыках грузно приседая,
Привычный, давний страх скрывая
Пред тем, что нас назавтра ждёт.

И грустно женщины поют
Из-за вагонной стенки тонкой,
А за окном – деревня, пруд
И машет девочка ручонкой.

Нина Стручкова

Москва

Русская баба

Мужик опять в загуле,
А было – гладь да тишь.
Но, как грозу в июле,
Загул не отворишь.

Терзают детки-бедки,
А ты им песни пой!
...Ночуешь у соседки –
У мужика запой.

И будешь бестолково
Побитое латать,
Любя его такого,
Каким он мог бы стать.

Его же песня – спета!
Он будет пить и злеть.
А ты его за это –
Жалеть, жалеть, жалеть...

* * *

Раскалённый песок и босые ступни,
И в полуденном воздухе злые слепни
Заставляют в прохладе воды погрузиться.
По-щеньячи проплыть по теченью реки
Я могла бы с другими наперегонки,
Но с высокого берега мама грозитя.

...А теперь этот мир безвозвратно далёк.
И холодный поток по теченью увлёт,
И приходится в море житейском качаться.
Но волна захлестнёт или омут завьёт –
И невидимо с берега мама зовёт,
И кричит, и не может никак докричаться...

Праздник одинокой

Нагрузила пальцы кольцами,
Накрутила косы кольцами,
Позвенела колокольцами
Плача, смеха ли?!

Погремела шкафа дверкою,
Налила настойку терпкую,
Взяв стакан, мигнула зеркалу:
Ну, поехали!..

Чужие

Квартира всегда холодна,
В ней только ночуют.
Застонет от боли одна –
Другой не почувет.

Мечтая превыше всего,
Что будет иначе,
Она не почувет его –
Ни смеха, ни плача.

Невидимо напополам
Разбита округа.
И двое сидят по углам,
Не видя друг друга.

В квартире живут, как на дне,
Обычные люди.
Но в тяжкой её тишине
Не любят.

Жена поэта

Счастливей доли этой нет –
В твою судьбу вошёл поэт
(Как будто ветер дунул)...
Его покрепче обними
И всё, что он сказал, пойми,
Пойми, что он подумал.

На первый зов его спеша,
Когда он пишет – не дыши,
Не говори ни слова.
Не потревожь и не задень...
А завтра будет новый день –
Всё повторится снова.

Вот привели его стопы
На суд восторженной толпы.
Уйди! Не засти света!
От слов его земля дрожит!
И не тебе принадлежит
Теперь душа поэта.

Оставь его для всех сейчас,
Но жди, что твой наступит час.
Когда поэт печален,
Омыв его нетрезвый лик,
Скажи ему, как он велик,
Любим и гениален!

Но вот он умер. Ты – вдова.
Так повторяй его слова,
Стихи и ощущения.
И всё равно ты неправа,
Что умер он, а ты жива.
И нет тебе прощенья!

Ирина Сурнина

Москва

* * *

Дядька Серёга ушёл к молодой,
Зубы не вставил.
Будто живой окатили водой –
Плечи расправил.
В синей джинсовке, в синих глазах,
С новой кожей,
В Алкином он молоке и слезах
Много моложе.
Тётка спилась, и в оградке бурьян,
Вытянешь – дыры,
Бухнет сорняк, наливаётся пьян
Соком с могилы.
В вазе хрустальной молчат камыши,
Если раздвинуть,
Плавают лодка в квартирной глуши,
Вёсла не сдвинуть.
Сердце не сердце, разрыв – и всплывать
Можно у Бога.
Первую зиму в земле зимовать
Страшно, Серёга?

* * *

Никаких журавлей,
перелёты ворон
да пустые, немые осины.
А навстречу асфальт
и растущий бетон
да вагоны, пропахшие псиной.
Но не просто пронять,
мы живём и живём,
по запястьям холодные капли.
И рябиновый дождь
пропадает живьём,
и себя нам не жалко ни капли.
После всхлипов и слов
свет особенно чист,
мы давно не хотим и не просим.
Где-то стынет Ока
и есенинский лист
улетает в открытую осень.

* * *

Везде ветра, а мне тепло,
Теперь не сдует, не снесёт,
Забилась к сыну под крыло –
И он опять меня спасёт.

А время льётся молоком,
Шептаться – не перешептать.
И в сына мне легко врастать,
Я в нём зародыш, тёплый ком.

* * *

Зачиналася Русь
От кровавой стрелы печенега.
Из лесов выростала
И омутной спящей воды.
Как трава, выходила
Она из-под снега,
Золотилась на свет,
Под собою не чуя беды.
Ничего не замаять.
Не избыть.
Не развеять по ветру.
Потому что во мне
Эта древняя память течёт.
Я расту из земли
И тоскую по этому свету,
Головой пробивая
И снег залежалый и лёд.

Павел Тужилкин

Саров, Нижегородская область

Не по-русски

Уж не по-русски мы живём...
Мечты нерусские рисуем,
И русских песен не поём,
И русских танцев не танцуем.

На запад с завистью глядим
И на восток косимся глазом.
Еду заморскую едим
И пьём заморскую заразу.

И горько сетуем подчас,
Что изменилось всё на свете...
И смотрят с жалостью на нас
Врагом воспитанные дети.

Утро городского человека

Забывтый запах...
Знакомый запах...
Тревожный запах
остановил...
И мир качнулся,
померк внезапно
И вдруг видением
Ошеломил:
Легко и сильно,
легко и просто –
Размах, и выдох,
и вновь размах! –
Идут под солнцем,
идут по росам,
Идут чредою
косцы в лугах.
Дымят рубахи
на мокрых спинах –
Не жалко силы,
трудов не жаль!
Размах и выдох!
Размах и выдох!
Звенит на взлёте
тугая сталь.
Как в давнем веке,
в другой эпохе,
И в наше время,
и дальше пусть
В едином взмахе,
в едином вдохе,
В едином ритме
шагает Русь.

А рядом – детство.
Моё и чьё-то...
Вы узнаете? –
Не вы ли там?!
Луга – без края!
Цветы – без счёта!
И синепады
на лица нам.
Не в этих стенах,
не в этих залах –
Вся жизнь
оттуда началась.
И запах сена,
тот сладкий запах –
Источник силы
сегодня в нас.
Размах и выдох!
Размах и выдох!
Звенит стальное
полотно.
Я столько неба
давно не видел!
Я столько солнца
не пил давно!
...Я убегаю.
Я очень занят.
Минуты лишней,
секунды нет...
Забывтый запах,
знакомый запах,
Тревожный запах
струится вслед...

Анатолий Устьянцев

Тверь

* * *

1

Не оставляй меня, невидимая дрожь
Блаженного, в своём начале, слова...
Тетрадь не трожь и разум не тревожь, —
Оно само придет из тьмы иного —

Чем наше — измерения. Ты жди,
Смирная, умертвляя плоть. В пустыню
Своей души непознанной иди.
Оставь надежду и оставь гордыню.

Оставь весь мир одеждою у ног.
Иди нагим, беспомощным, никчёмным.
Оставь удушье суетных тревог.
Оставь канон молитв неизречённых.

Оставь детей, родителей, жену.
И прошлое оставь в могиле братской.
Умри для всех и слушай тишину
Без лишних перекличек панибратских.

Покорен будь... И будешь покорён
Когда-нибудь, пусть на излёте света,
Никем ещё не виданных времён
Величием.
Так помни же об этом!

2

Когда забудешь дело рук своих
(Оно уже оплачено с лихвою),
Добро и зло (никто из них двоих
Не научился властвовать тобою),

Саму судьбу, где не собрать костей
Грозило, не вмешайся Провиденье.
Когда забудешь сонмища страстей
С бесовскою системой наведения, —

Тогда, быть может, звук высокий тот
Тебя коснётся грозovým разрядом.
И снова будет всё с тобою рядом.
И немоты твоей растает лёд.

* * *

Кто так долго и тяжело стонет?
Это лес твой тебя хоронит,
И хоралы поют стволы,
Из которых орган воздвиген.
И весь мир из дворцов и хижин
Заставляет кутьей столы.
Этот лес твой — смутьян и стоик —
Весь на вольнице был настоян,
Глядя в чистые небеса.
Всею — по гроб — ты ему обязан. —
Корень слова с корнями связан,
На которых стоят леса.

Этот лес твой тобой исхожен
До тропинки. И, Правый Боже,
Все заветы твои блюду
Только здесь, где все сосны — сёстры.
Между ними и жалом острым
Топора — я себя кладу.

Радомира Шевченко

Гамбург.

Пети-жѐ

Задумайте число. Двухзначное. По сути,
Не меньше десяти, не большее, чем сто.
Я к Вам, на полчаса. Уж Вы не обессудьте.
Закройте дверь, а я пока сниму пальто.

Умножьте всё на три. Делите на пятнадцать.
Делите всё, что есть. Нарезьте колбасу.
У Вас жасминный чай!.. Ах, можно ли остаться?
А я уж, так и быть, печенья принесу.

На улице мороз... Наверно, минус двести.
Прибавьте двадцать шесть, нет, лучше двадцать пять.
У Вас чудесный чай – и как чудесно вместе
На кухне в пети-жѐ разок-другой сыграть!

Поговорить о снах, погоревать о зимах,
Друг другу разболтать пустые имена
Приятелей, друзей, любивших и любимых –
Как будто Вы – не Вы, а барышня из сна.

Остаться?.. Если Вас... Ко мне не больше мили.
Но если... то тогда... Я даже буду мил...
Да, что там результат? Простите?.. Вы забыли?!
А впрочем, я и сам, как отгадать, забыл.

Хуже, если точка...

Мне сегодня нужно быть хмельной.
Хоть вином, хоть водкою напиться,
Чтоб не отравиться белизной
Снега над столицей, –

Значит, я пьяна. И мне смешно.
Клапаны в сердцах стучатся – ставнями.
Плохо; страшно «нет» услышать. Но
Хуже, если точка не поставлена

Мы говорим...

Мы говорим на странном языке,
На том, который непонятен прочим;
И пусть наш договор давно просрочен,
Рука всё так же тянется к руке

И голод наших снов неунимаем.
Но больно видеть новые черты
И чувствовать: от нынешней черты
Друг друга больше мы не понимаем.

Вадим Шуляковский

Москва

* * *

Хорошо б хоть раз без толка
Мне пожить в степной глуши!
Быть влюблённым да и только,
Без оглядки, от души!

Тем, кто нежность в сердце носит,
В каждом часе благодать!
Хорошо костровый отсвет
В дальнем поле увидать.

Поутру спускаться к логу
Непроснувшимся слегка,
Выпив дома на дорогу
Только кружку молока.

И, пурге над полем внемля,
О подруге не вздыхать,
Лишь заснеженную землю
Лёгким шагом целовать...

* * *

В Москве два Гоголя... Один
Сидит во дворике печальном.
Больной, озябший господин.
Он весь в предчувствии
астральном.

Другой стоит... Ни слаб, ни стар.
Лицо улыбкой расколосось.
Но, кажется, через бульвар
Он слушает – подай лишь голос.

Идёт весенний тёплый снег.
И плачут, плачут, плачут оба...
Один был странный человек.
Другой – довёл его до гроба.

* * *

Если деньги копить понемногу,
Сколько будет тревог и забот!
Если выйти весной на дорогу,
Сколько девок красивых пройдёт!

И одна поглядит тебе в очи,
В сарафане из птиц и цветов,
И поверишь в бессонные ночи,
Что к последнему счастью готов.

Что тебе собираться недолго,
И, улыбчивым солнцем согрет,
Так пройдёшь ты в рубахе из
шёлка,
Что любая посмотрит вослед!..

Но подскажут хорошие люди,
Что ещё на дороге бело,
Что последнего счастья не будет,
Если первое счастье прошло.

ИЗ «ВОЕННОЙ КИНОХРОНИКИ»

Шли немцы нашей улицей
И жрали помидоры.
И попадали курицы
Под бронетранспортёры.

Шли немцы нашим городом,
Смеясь, палили в вывески.
Чуть прикрывались воротом
Их лица цвета вырезки...

Под первой непогодиной,
Сырою, предморозною,
Шли немцы нашей Родиной,
Текли, как кровь венозная.

Текли волной накатистой,
С ревущими моторами
И растворялись начисто
Безмолвными просторами...

* * *

В стороне картофельного поля
Я заметил маленький погост...
Вымерли вокруг деревни, что ли?
На могилах травы в полный рост.

Незахожен ни зимой, ни летом...
Только слышно – лента бьёт о крест.
И вокруг листва шумит под ветром,
Всё звонит, шевелится окрест.

Ни табличек, ни икон, ни пыли,
Никаких гостей навеселе...
Я б хотел, чтоб здесь меня зарыли,
В этой неухоженной земле.

Чтоб бродяга, вольной птице ровня,
Отдыхая здесь, в чужом краю,
Никого в отдельности не помня,
Пожалел вдруг Родину свою...

УЧАСТНИКИ XIX МОСКОВСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ВЫСТАВКИ-КОНКУРСА СОВРЕМЕННОЙ ЖИВОПИСИ «ЗОЛОТАЯ КИСТЬ-2009»

Арман Аветисян
Владимир Агранат
Ирина Акуленко
Алексей Алексеев
Светлана Ананьина
Тамара Анохина
Михаил Арбитайло
Оксана Архипова
Виктория Афонская
Сергей Афонский
Давид Бабунадзе
Борис Баев
Иван Базанов
Алексей Базлаков
Сергей Бауэр
Елена Бегма
Владимир Белан
Владислав Белашкин
Павел Белинский
Константин Беляшин
Екатерина Бердникова
Константин Бердников
Тамара Бессонова
Ольга Богатырева
Петр Болдырев
Андрей Бондарев
Любовь Бордукова
Валентин Борисов
Александр Брусилов
Николай Бурдыкин
Ольга Бурова
Юлия Быкова
Елена Варшавчик
Александр Викторов
Анна Владимировна-Лаврова
Александр Власенко
Клара Власова
Владимир Волк
Надежда Воробьева
Вячеслав Воронин
Людмила Гаврилова
Сергей Гавриляченко
Мария Годына

Алексей Голубев
Александр Гольшев
Андрей Горский
Николай Горский – Чернышев
Елена Гостюшина
Дмитрий Грачев
Святослав Гуляев
Ольга Давыдова
Валентина Дарган
Геннадий Дергач
Татьяна Добросердова
Дмитрий Добросердов
Андрей Дроздов
Лариса Дружина
Анастасия Дубач
Андрей Дубов
Анатолий Дудник
Анастасия Духанина
Александр Егоров
Владимир Елецкий
Геннадий Ефимочкин
Юлия Жукова
Олег Журавлев
Анатолий Загорский
Екатерина Иванова
Мария Иванова
Татьяна Иванова
Валерий Ивлинов
Татьяна Ипатенко
Римма Исакова
Юлия Казурова
Тамара Какышева
Ирина Калькутина – Костюченко
Валентина Камышникова
Елена Канева
Анатолий Канушкин
Лаврентий Касоев
Сергей Клишин
Ушанг Козаев
Мария Комыса
Евгения Косушкина
Лариса Косякова
Юлия Косцова

Юрий Красавин-Белопольский
Николай Крутов
Дмитрий Крылов
Вячеслав Кубарев
Григорий Кубарев
Виктор Куколь
Аркадий Кумаритов
Михаил Куприков
Игорь Лапин
Татьяна Литвинцева
Владимир Литышев
Лилия Лиховид
Георгий Лиховид
Мария Логуш
Виктор Лукьянов
Екатерина Лутохина
Петр Любаев
Николай Маврин
Анатолий Майстренко
Галина Макаренко
Виктор Макеев
Александра Маклакова
Юрий Маланенок
Юсиф Мамедов
Владимир Марков
Евгений Марченко
Владимир Митяшкин
Анастасия Моргачева
Константин Назаров
Мария Наумова
Дмитрий Некрасов
Алексей Нестеров
Николай Ноздрачев
Рубен Ованесов
Виктор Оленников
Андрей Очнев
Анатолий Павлов
Яна Патокина
Анатолий Петушков
Алексей Плешков
Стас Плутенко
Анна Поликарпова
Владимир Полуэктов

Федор Помелов
Светлана Потурай
Борис Проказов
Юлия Просецкая
Валерий Пугачев
Евгений Ромашко
Павел Рослов
Илья Рубан
Александр Рубец
Валентина Руднева
Людмила Савина
Дмитрий Самодранов
Валерий Санаков
Сергей Сарумян
Станислав Скобелев
Андрей Смирнов
Наталья Смолина

Анна Смоляницкая
Юлия Смольянинова
Борис Смотров
Ирина Соколова
Ксения Сопова
Ольга Сорокина
Александр Стасевич
Александр Степанок
Владимир Суркин
Нина Суховецкая
Юлия Суховецкая
Сергей Терещенко
Василий Тимофеев
Гулнара Тохтамуратова
Сергей Федунов
Борис Филимонов
Борис Хромов

Тамерлан Цховребов
Люся Чарская
Герман Черемушкин
Екатерина Чернышева
Полина Чернякова
Алексей Чиняев
Александр Чичигин
Владимир Чумаченко
Ольга Чумаченко
Светлана Шебаршина
Елена Ширенина
Василий Шишкин
Андрей Шумский
Людмила Щербинина
Геннадий Юферев
Дмитрий Яровов
Александр Ящук

Рабочая группа:

Александр Гольшев
Надежда Диенко
Марина Калашникова-Марграф
Анатолий Канушкин
Нина Лютова
Евгений Марченко
Светлана Павлова
Ольга Румянцева
Владимир Сергеев (мл.)
Анна Смирнова
Дмитрий Яровов

Каталог подготовили:

Виктор Кладницкий
Светлана Павлова
Анна Смирнова
Нина Лютова

Выставка организована
при участии
Московского союза
обществ дружбы с народами
зарубежных стран

Победители VI Московского международного
конкурса поэзии
«Золотое перо-2009»

Сергей Агальцов
Владимир Архипов
Юрий Асмолов
Магомед Ахмедов
Любовь Берзина
Николай Беседин
Николай Васильев
Владимир Волковец
Ольга Доренская
Галина Дубинина
Владимир Жильцов
Валерий Жукин
Василий Забелло
Наталья Иванова
Ирина Каренина
Ярослав Коваль
Дмитрий Клёстов
Орест Коцюба
Руслан Кошкин
Протоиерей Андрей Логвинов
Юрий Лопусов
Владимир Львов
Владимир Макаров
Владимир Максимов
Юрий Манаков
Николай Никишин
Евгений Петропавловский
Клим Первушин
Елена Пиетилияйнен
Андрей Расторгуев
Анна Ретеюм
Александр Руденко
Василий Рысенков
Валерий Савостьянов
Сергей Сметанин
Нина Стручкова
Ирина Сурнина
Павел Тужилкин
Анатолий Устьянцев
Радомира Шевченко
Вадим Шуляковский

Рабочая группа:

Александр Фомин
Фёдор Черепанов
Анастасия Черепанова